

**ФОРУМ: КАК МЫ ПИШЕМ
(О СТИЛЯХ АКАДЕМИЧЕСКОГО ПИСЬМА)**

Андрей Станиславович Адельфинский

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
5, стр. 1 Бауманская ул., Москва, Россия
adelfi@mail.ru

Мария Вячеславовна Ахметова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
82 пр. Вернадского, Москва, Россия
malinxi@rambler.ru

Альберт Каишфуллович Байбурин

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН
3 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия
Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
abaiburin@gmail.com

Анастасия Михайловна Беляева

Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова
1/6 ул. Островитянова, Москва, Россия
gurenovitz@gmail.com

Юрий Евгеньевич Березкин

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН
3 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия
Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
berezkin1@gmail.com

Ольга Юрьевна Бойцова

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН
3 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия
boitsova@gmail.com

Евгений Викторович Вдовченков

Институт востоковедения РАН
12 ул. Рождественка, Москва, Россия
vdovchenkov@yandex.ru

Александра Леонидовна Захарова

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН
25/14 7-я Красноармейская ул., Санкт-Петербург, Россия
azakharova@eu.spb.ru

Степан Сергеевич Калинин

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
29 Комсомольский пр., Пермь, Россия
rage_of_gods@inbox.ru

Наталья Ковалева

Университет Северного Техаса
7400 Юниверсити Хиллз Бульвар, Даллас, США
nvk@utexas.edu

Георгий Ахиллович Левинтон

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
levinton@eu.spb.ru

Юлия Александровна Сафронова

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
jsafronova@eu.spb.ru

Сергей Валерьевич Соколовский
Институт этнологии и антропологии РАН
32А Ленинский пр., Москва, Россия
sokolovskiserg@gmail.com

Полина Романовна Яровая
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
123А наб. канала Грибоедова, Санкт-Петербург, Россия
pryagovayaa@gmail.com

Аннотация: В каждую эпоху существует свой «научный стилистический мейнстрим» — то, как принято писать научные тексты в это время и в этом месте. Сегодня многие работы, написанные сто двадцать лет назад, кажутся нам слишком обезличенными и затянутыми, перегруженными ненужными рассуждениями. Советский научный стиль разительно отличался от стиля тогдашних англоязычных публикаций, а сегодня многие пишут по-русски так, что текст выглядит переводом с английского. Редакция «АФ» предложила участникам «Форума» подумать, что происходит со стилем русскоязычных научных публикаций.

Ключевые слова: академическое письмо, стиль научных публикаций.

Для ссылок: Форум: Как мы пишем (о стилях академического письма) // Антропологический форум. 2025. № 66. С. 11–96.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-66-11-96

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/066/forum.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2025, NO. 65

FORUM 66: HOW WE WRITE: ON STYLES OF ACADEMIC PROSE

Andrey Adelfinskiy
Bauman Moscow State Technical University
5, Bld. 1 Baumanskaya Str., Moscow, Russia
adelfi@mail.ru

Maria Akhmetova
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
82 Vernadsky Ave., Moscow, Russia
malinxi@rambler.ru

Albert Baiburin
Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
ABaiburin@yandex.ru

Anastasiya Belyaeva
Pirogov Russian National Research Medical University
1/6 Ostrovityanova Str., Moscow, Russia
gurenovitz@gmail.com

Yuri Berezkin
Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
berezkin1@gmail.com

Olga Boitsova
Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
boitsova@gmail.com

Stepan Kalinin
Perm National Research Polytechnic University
29 Komsomolskiy Ave., Perm, Russia
rage_of_gods@inbox.ru

Natalia Kovalyova

The University of North Texas
7400 University Hills Blvd, Dallas, TX, USA
nvk@utexas.edu

Georgij Levinton

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
levinton@eu.spb.ru

Julia Safronova

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
jsafronova@eu.spb.ru

Sergey Sokolovskiy

Institute of Ethnology and Anthropology, RAS
32A Leninskiy Ave., Moscow, Russia
SokolovskiSerg@gmail.com

Evgeniy Vdovchenkov

Institute of Oriental Studies, RAS
12 Rozhdestvenka Str., Moscow, Russia
vdovchenkov@yandex.ru

Polina Yarovaya

HSE University
123A Griboedov channel Emb., St Petersburg, Russia
pryarovayaa@gmail.com

Aleksandra Zakharova

Sociological Institute of FCTAS RAS
25/14 7-ya Krasnoarmeyskaya Str., St Petersburg, Russia
azakharova@eu.spb.ru

Abstract: Every era has its own “mainstream scholarly style” — the generally accepted way of writing academic texts in a given era and place. To today's tastes, many academic texts written a century and more ago seem verbose and impersonal, weighed down with dispensable reflections and ruminations. Soviet academic style was radically different from English-language publications of the time, but these days many Russian academic texts read like translations from English. The Editorial Board of *Forum for Anthropology and Culture* invited its readers to reflect on what is happening to modern Russian academic prose.

Keywords: academic writing, scholarly style.

To cite: ‘Forum 66: Kak my pishem (o stilyakh akademicheskogo pisma)’ [Forum 66: How We Write: On Styles of Academic Prose], *Antropologicheskij forum*, 2025, no. 66, p. 11–96.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-66-11-96

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/066/forum.pdf>

В форуме «Как мы пишем (о стилях академического письма)» приняли участие:

Андрей Станиславович Адельфинский (Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Москва, Россия)

Мария Вячеславовна Ахметова (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия)

Альберт Кашфуллович Байбурин (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН / Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия)

Анастасия Михайловна Беляева (Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова, Москва, Россия)

Юрий Евгеньевич Березкин (Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН / Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия)

Ольга Юрьевна Бойцова (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН / Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия)

Евгений Викторович Вдовченко (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия)

Александра Леонидовна Захарова (Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Степан Сергеевич Калинин (Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия)

Наталья Ковалева (Университет Северного Техаса, Даллас, США)

Георгий Ахиллович Левинтон (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия)

Юлия Александровна Сафронова (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия)

Сергей Валерьевич Соколовский (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия)

Полина Романовна Яровая (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия)

Как мы пишем (о стилях академического письма)

В каждую эпоху существует свой «научный стилистический мейнстрим» — то, как принято писать научные тексты в это время и в этом месте. Сегодня многие работы, написанные сто двадцать лет назад, кажутся нам слишком обезличенными и затянутыми, перегруженными ненужными рассуждениями. Советский научный стиль разительно отличался от стиля тогдашних англоязычных публикаций, а сегодня многие пишут по-русски так, что текст выглядит переводом с английского. Редакция «АФ» предложила участникам «Форума» подумать, что происходит со стилем русскоязычных научных публикаций.

Ключевые слова: академическое письмо, стиль научных публикаций.

ВОПРОСЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

В каждую эпоху существует свой «научный стилистический мейнстрим» — то, как принято писать научные тексты в это время и в этом месте. Сегодня многие работы, написанные 120 лет назад, кажутся нам слишком обезличенными и затянутыми, перегруженными ненужными рассуждениями. Советский научный стиль разительно отличался от стиля тогдашних англоязычных публикаций, а сегодня многие пишут по-русски так, что текст выглядит переводом с английского. Редакция «АФ» предложила участникам «Форума» подумать, что происходит со стилем русскоязычных научных публикаций. Мы хотели обсудить несколько вопросов:

1 *Что такое «нормальный стиль» для разных эпох и поколений, в чем отличие стиля ученых начала XX в. от (советского) стиля следующих поколений и от стиля современных социальных антропологов, историков, филологов? Влияет ли на стиль современных исследований публикационная политика ведущих научных издательств?*

2 *Как вы относитесь к популярному сегодня «возвращению субъекта» в научный текст (начиная от местоимения «я» и заканчивая описаниями приключений и переживаний*

исследователя в ходе полевой работы)? Разрушает ли внимание к собственным эмоциям и личным переживаниям научность изложения? Где проходит граница между «приемлемым» количеством рассуждений о себе и своих чувствах и любительской антропологией?

3

Что вы думаете об обильных терминологических заимствованиях из английского как языка глобальной науки? Следует ли искать замену терминам «технологический трансфер», «хардкорный и мидкорный», «руральность», «эйджизм», «эссенциализированный» и т.д., выражениям вроде «с такой перспективы»? Неизбежны ли в научной работе подобные заимствования, а также повторы, длинные периоды, канцелярит?

4

Что вы думаете о допустимой степени популярности изложения? Должен ли антрополог писать так, чтобы увлечь как можно большую аудиторию? Нужны ли научному тексту метафоры? И как пройти между Сциллой и Харибдой — не потерять научной точности и при этом остаться понятным, в том числе неспециалистам?

5

На какой стиль (стили) вы ориентируетесь при работе над своими текстами? Какие учебные курсы или сферы социализации помогли вам в формировании вашего стиля академического письма? Есть ли у вас любимые исследователи, работами которых вы зачитываетесь из-за их формы, а не (только) из-за содержания?

АНДРЕЙ АДЕЛЬФИНСКИЙ

1

Что такое нормальный стиль?

Введение, Методы, Результаты и Дискуссия — казалось бы, с тех пор как эту структуру отчета об оригинальном исследовании назначили типовым стандартом, все научные тексты давно могли бы стандартизироваться. Однако представители разных научных «цехов» продолжают творить каждый на свой лад. Начнем с того, что если IMRaD рассматривается стандартной формой организации текста в естественных и прикладных науках, то гуманитарные и общественные науки также широко используют разнообразные формы *научных эссе*. Обнародованные рекомендации изданий, обратная связь редакторов и комментарии рецензентов позволяют быстро уяснить, *нормально* ли вы пишете касательно каждой конкретной площадки.

**Андрей Станиславович
Адельфинский**

Московский государственный
технический университет
им. Н.Э. Баумана,
Москва, Россия
adelfi@mail.ru

Аргументирую из недавнего опыта. Например, редактор одного международного научного журнала по истории посоветует вам лучше указать, для какого слоя анализа какие конкретно источники были привлечены.

Другой западный исторический журнал, напротив, заранее просит своих авторов отдельно не расписывать источниковую базу. Мол, ваши читатели достаточно квалифицированы, дабы разобратся со ссылочным аппаратом самостоятельно. Более того, там же просят избегать шаблонных фраз типа *Введение* и *Заключение*. В третьем журнале для ряда опубликованных оригинальных исторических исследований вы не обнаружите сегментарного членения текста вообще. Соответственно, *нормальный стиль* продолжает оставаться различным для конкретных академических сообществ, издательских домов и даже научных журналов по одной дисциплине. Наверное, это и есть норма?

Нюансы конкретного *нормального стиля* зачастую обнаруживаются опытным путем, при посещении смежных научных «цехов». Например, при подаче статьи по материалам социологического исследования в философское издание или исследования по истории бизнеса — в журнал по экономике. В первом случае вам могут предложить убрать *все лишнее* — что сами вы считали значимым для *научности* текста, тогда как во втором случае мнения самой редакции и нескольких рецензентов о стиле написания, плюсах и минусах рукописи могут оказаться противоположными. Похоже, философов интересует чистая мысль без лишних «огранок» в виде подробного описания методов, цитат респондентов и прочего. Однако социальные антропологи и социологи окажутся требовательны касательно деталей сбора «поля», методов обработки данных, а также присутствия внушительного обзора литературы и некой теоретической рамки. Историкам потребуется аккуратное указание источниковой базы с предпочтительным введением в научный оборот ранее не использованных материалов. Напротив, часть экономистов будет интересоваться наличием и красотой эконометрических моделей на базе какого-либо массива статистических данных, при этом социальное измерение изучаемой проблемы и связь с реальной экономикой будут малозначимы.

Трансформацию нормального стиля научного письма интересно обсудить именно для экономики, где кризисное состояние магистрального учения не является секретом [Полтерович 1998; Тутов 2013; Курышева 2022]. Использование расчетов и опора на статистику свойственны большинству экономических рассуждений XIX–XXI вв. Но математизированный стиль научного творчества среди экономистов западных стран утверждается лишь со второй половины XX в., в эпоху противостояния двух систем: капиталистической и советской. Объясняя этот феномен, Владимир Ефремов аргументирует, что на Западе и в СССР господствовали два разных учения об экономике, догматичных в равной мере. Их главным назначением являлось оправдание господствующих социальных порядков, а не изучение и описа-

ние реального состояния дел [Ефремов 2014]. Соответственно для неолиберальной догмы Запада математизированный стиль стал полезным вдвойне. Во-первых, это позволило уйти от многих проблемных тем, во-вторых, элегантно отсечь профанов от обсуждения проблем экономической политики. Однако увлечение нормальным стилем привело к утрате предмета. Большинство современных экономистов не предсказали глобальный экономический кризис 2007 г. и начало Великой рецессии. Напротив, проповедовали, что задача предотвращения глубоких спадов в экономике якобы успешно решена. Обсуждая, почему *другие экономисты* столь сильно ошибались, экономист Пол Кругман объяснил это именно укоренившимся в академическом сообществе стилем научного творчества, где увлечение абстрактными математическими моделями ценится заметно выше интереса к проблемам реальной экономики [Krugman 2009].

Современные экономисты анализируют связь загрязнения воздуха с результатами триатлонов и беговых марафонов [Naidenova et al. 2022], влияние возраста на скорость неэлитных атлетов [Sowell, Mounts 2005], отношение технических параметров трасс (рельеф, соленость и т.д.) к числу финишеров гонок [Prinz 2019]. Указанные темы сегодня позволяют писать стилистически и методически нормально, хотя и не касаются вопросов хозяйственной деятельности. Однако ответ на экономический вопрос «Почему капитализм отдает наши рекреационные опыты лишь наиболее привилегированным членам общества?» [Leary 2022] скорее опубликуют в историческом журнале [Adelfinsky 2023], поскольку пока это выглядит стилистически старомодным для магистрального течения экономики.

4

Допустимая популярность изложения

«Наука должна быть веселая, увлекательная и простая. Таковыми же должны быть и ученые!» — современные отечественные наставления по популяризации науки часто цитируют эту фразу нобелевского лауреата по физике Петра Капицы. Вероятно, в своем письме 1935 г. [Капица 1989] известный физик переложил на русский выражение *the gay science*, известное тогда в конкретном значении. Эту *веселую науку* историк Томас Карлейль противопоставлял *мрачной науке* политической экономики, а философ Фридрих Ницше определил как особое *искусство поэзии*, восходящее к традиции провансальских трубадуров, где рыцарь, он же певец, и его свободный дух сочетались в единое целое [Carlyle 1849; Nietzsche 1974; Pérez 2014].

Почему истинным рыцарям науки, физикам, социальным антропологам и бойцам прочих научных «цехов» следует быть еще и веселыми трубадурами? Значимым резонансом видится марке-

тинговая сторона научных исследований, включая вопросы привлечения финансирования. Это требует красивых и *продающих* объяснений для лиц, принимающих решения об актуальности и социальной пользе научных тем, которые никому не понятны и, вероятно, полезны лишь их непосредственным разработчикам. Проекты по превращению свинца в золото, нахождению эликсира вечной молодости, сотворению чудо-оружия или обучению ишака чтению (за 20 лет при достаточном финансировании) — наверняка все это было описано или сказано так, что увлекало широкую аудиторию.

Популярность изложения вдвойне значима для общественных наук, где речь идет не только об исследовании какой-либо темы, но и нередко о привлечении внимания к выявленной социальной проблеме или о продвижении некой доктрины. В частности, риторические приемы играют гораздо более важную роль для экономических учений, чем это принято считать. Наряду с фактами и логикой, известные экономисты активно используют метафоры и разные истории при построении объяснительных конструкций [Расков 2015; Макклоски 2015]. Ясность и образность изложения, элементы иронии и юмора — все это делает текст лучше читаемым даже для специалистов.

5

Полезные курсы, любимые исследователи

Если писать понятно и хорошим стилем рассматривается как благо для научных текстов, то полезным может оказаться краткий курс по научной журналистике. Другим полезным средством будет эпизодическое возвращение к классикам. Такие авторы, как Николай Гоголь, Михаил Салтыков-Щедрин, Ярослав Гашек и Антон Чехов, вполне могут рассматриваться таковыми для обществоведения. Особенно хороши рассказы последнего: лаконично, образно, с тонким юмором и большой симпатией к объекту.

Библиография

- Ефремов В.М. Как капитализм, университет и математика сформировали магистральное направление экономической дисциплины // Антиномии. 2014. Т. 14. № 2. С. 5–51.
- Капица П.Л. Письма о науке. 1930–1980. М.: Московский рабочий, 1989. 400 с.
- Курышева А.А. Исследовательская традиция институциональной школы и прагматистский подход // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 1 (14). С. 89–101.
doi: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_89_101.
- Макклоски Д. Риторика экономической науки. М.; СПб.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. 328 с.

- Полтерович В.М. Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. 1998. № 1. С. 46–66.
- Расков Д.Е. Пересекая границы: Макклоски и гуманистический взгляд на экономическую науку // Вопросы экономики. 2015. № 4. С. 142–151. doi: 10.32609/0042-8736-2015-4-142-151.
- Туттов Л.А. Философия хозяйства и кризис неоклассики // Философия хозяйства. 2013. № 6 (90). С. 9–20.
- Adelfinsky A.S. Of Iron Men and the Beer: Democratization and Commercialization in the Triathlon History // The International Journal of the History of Sport. 2023. Vol. 40. No. 12. P. 1120–1139. doi: 10.1080/09523367.2023.2289544.
- Carlyle T. Occasional Discourse on the Negro Question // Fraser's Magazine for Town and Country. 1849. Vol. 40. P. 670–679.
- Krugman P. Why Did Economists Get So Wrong // The New York Times Magazine. 2009, Sept. 2. <<https://www.nytimes.com/2009/09/06/magazine/06Economic-t.html>>.
- Leary K. Is Ironman a Giant Scam? Why Capitalism Funnels Our Recreation Experiences to the Most Privileged Members of Society // Medium. 2022, June 11. <<https://medium.com/@learykeenan/is-ironman-a-giant-scam-a38e498eb877>>.
- Naidenova I., Parshakov P., Suvorov S. Air Pollution and Individual Productivity: Evidence from the Ironman Triathlon Results // Economics & Human Biology. 2022. Vol. 47. Article 101159. doi: 10.1016/j.ehb.2022.101159.
- Nietzsche F. The Gay Science with a Prelude in Rhymes and an Appendix of Songs / Trans. by W. Kaufmann. New York: Vintage Books, 1974. 396 p.
- Sowell C., Mounts S. Ability, Age and Performance: Conclusions from the Ironman Triathlon World Championship // Journal of Sports Economics. 2005. Vol. 6. No. 1. P. 78–97. doi: 10.1177/1527002503260801.
- Pérez R. Towards a Genealogy of the Gay Science: From Toulouse and Barcelona to Nietzsche and Beyond // eHumanista / IVITRA. 2014. Vol. 5. P. 546–703.
- Prinz J. IRON(O)MICS: The Market for Long Distance-Triathlon // Downward P. et al. (eds). The Sage Handbook of Sports Economics. London et al.: Sage, 2019. P. 482–491.

МАРИЯ АХМЕТОВА

1

Описание особенностей научных стилей и подстилей, менявшихся на протяжении ста двадцати лет, — задача, пожалуй, для целой монографии, и я от рассуждений на эту тему воздержусь. Но относительно современной ситуации хотела бы отметить такую тенденцию (на самом деле не специфически отечественную), как проникновение в гуманитарное академическое письмо практик, характерных для естественных наук, что

Мария Вячеславовна Ахметова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
malinxi@rambler.ru

предполагает и определенные стилистические аспекты. В частности, речь идет о структурировании статей по принципу IMRAD (IMRaD), подразумевающему разделы «Введение», «Методы», «Результаты» и «Обсуждение / Дискуссия» (есть варианты, в частности, включающие отдельный раздел по «истории вопроса», меняющие местами «дискуссионную» и «результативную» части, и др.). Стандарт IMRAD безусловно доминирует в естественно-научных работах (а его распространение началось с биологических и медицинских работ). При этом в мировых гуманитарных журналах, в частности выпускаемых такими известными издательствами, как Wiley-Blackwell (например, журнал Американского этнологического общества “American Ethnologist”), Cambridge University Press (например, “Classical Quarterly”) или De Gruyter (например, “Trends in Classics”), статьи могут даже не иметь специально выделенных вступительной и/или заключительной частей, не говоря уже об игнорировании стандарта IMRAD как такового. Между тем его апологеты (прежде всего зарубежные, а с недавних пор и отечественные) зачастую позиционируют его как универсальный¹.

Вторжение традиций science в область humanities и его причины сами по себе заслуживают исследовательского внимания, но я хотела бы сказать о некоторых эффектах, связанных с попытками представителей первой сферы распространить свой опыт на вторую, ломая ее привычный габитус (а как мы понимаем, для историков, антропологов, литературоведов и других гуманитариев в принципе характерна большая эссеистичность по сравнению со «строгими науками»).

В отечественной ситуации пропаганда IMRAD диктуется благими намерениями: предполагается, что эта формальная мера позволит включить наши издания в мировой контекст, подняв их до мирового уровня. Наряду с этим данная пропаганда (осуществляемая в рамках учебных курсов академического письма; деятельности институций, курирующих работу журналов; посвященных академическому письму методических разработок и научных статей²) аргументируется и более конкретными за-

---

¹ Впрочем, в работах специалистов, имеющих представление о специфике научного письма в различных научных дисциплинах, специально оговаривается строгость следования стандарту именно в эмпирических естественно-научных исследованиях (хотя и с подразумеванием IMRAD или близких форм как предпочтительных для организации статьи). Так, руководство, выпущенное Ассоциацией научных редакторов и издателей, позиционирует IMRAD как «универсальный стандарт» для «оригинальных экспериментальных» статей, для «обзорных» и «теоретических» статей — обязательность (!) лишь «смысловых подразделов», а также разделов «Введение» и «Заключение», при этом допускает (!) для статей «социально-гуманитарной тематики» замену разделов «Методы», «Результаты» и «Обсуждение» тематическими разделами и подразделами, демонстрирующими логику описываемого исследования» [Кириллова 2023: 20].

² Не берусь обоснованно рассуждать о соотношении естественников и гуманитариев, пропагандирующих IMRAD, но по личным ощущениям последних все-таки меньше.

дачами (сформулированными, в частности, в многочисленных наукометрических исследованиях): структурирование по принципу IMRAD, дескать, облегчает восприятие текста; проговоренность всех необходимых элементов способствует доверию к исследованию со стороны не только читателей, но и экспертов, принимающих решение о включении издания в престижные базы данных; наконец, выстроенные таким образом статьи лучше цитируются¹, — последнее имеет существенное значение для системы рейтингования вузов (которые в России чаще всего являются издателями научных журналов), «заточенной» под наукометрические показатели. Соответственно стандарту зачастую оказываются вынуждены следовать журналы (в первую очередь недавно возникшие, которым ставится задача попасть в престижные международные базы данных), а также молодые ученые, прослушавшие в вузе курсы академического письма. В результате приходится видеть журналы, в том числе специфически гуманитарные, где содержание всех статей разбито на части с одинаковыми подзаголовками (более или менее соотносящимися с IMRAD, в том числе при недопустимости иных заголовков, которые характеризовали бы соответствующие разделы гораздо яснее и содержательнее), что создает впечатление унылой обезличенности. Мне приходилось видеть статьи филологов и историков (как опубликованные, так и представленные на рассмотрение в различные журналы), из которых видно, как мучительно их авторы, желая соответствовать «мировым стандартам», требуемым журналом или существующим в их собственном представлении благодаря прослушанным курсам, буквально выдавливали из себя формулировки пресловутых «методов», при этом делая это не всегда корректно, а соответствующие разделы могли выглядеть чужеродно и избыточно. Иногда видно, как ломается логика статьи, когда «результаты» (т.е. изложение того, к чему в итоге пришел автор) предшествуют «обсуждению» (т.е. аналитической части), если такая последовательность оговорена требованиями журнала, но из текста очевидно, что автор задумывал совсем наоборот.

Разумеется, я не хочу сказать, что как таковое структурирование статьи плохо (оно как раз полезно, но четко и логично выстроенными вполне могут быть и «статьи-эссе») или что описание методологической «кухни» вообще не нужно. В случае с работами, авторы которых прибегают, например, к стилометрии, к различным видам статистического анализа при помощи тех или иных инструментов и т.д., это просто необходимо; в статье,

¹ Впрочем, и тот факт, что естественно-научные статьи по ряду причин цитируются статистически чаще, чем гуманитарные, не является секретом ни для наукометристов, ни для критиков наукометрии (см., например: [Гринёв 2023]).

основанной на полевых материалах, полезно оговорить количество опрошенных, их статус и т.д., но зачем, например, специально оговаривать «сравнительно-сопоставительный метод», когда из работы и так ясно, что автор сравнивает и сопоставляет различные тексты? Об объеме того, что филологи порой вынуждены в силу требований объединять под «зонтиками» «качественного анализа» и «контент-анализа», и о ценности этих формулировок я и говорить не буду. В искусственном втискивании текста в формальные рамки, обусловленные лишь ориентацией на стандарт, диктуемый от лица science, я вижу безусловный вред¹.

В дополнение стоит отметить и другие аспекты, связанные с проникновением естественно-научных традиций письма в гуманитарную сферу. Иногда приходится иметь дело с интересными, живо написанными и нетривиальными по замыслу статьями молодых исследователей, явно ориентирующихся на выученные стандарты, которые до недавнего времени для гуманитарных статей не были характерны. Например, недостаточно просто сделать определенное предположение — нужно специально и отдельно представить его, поименовав «гипотезой». Недостаточно проанализировать материал — надо во вводной части проговорить, как именно автор это будет делать, а в заключении еще раз повторить, что, как и для чего предпринял автор с целью решения поставленной задачи. Наконец, недостаточно просто написать статью — необходимо вначале представить ее структуру, рассказав, из каких частей она состоит (будто бы читатель этого и так не увидит). Иногда все это, повторяюсь, действительно важно, если того требуют задачи конкретного исследования, но чаще такое приращение статье вида отчета или мини-диссертации не облегчает восприятие статьи, а наоборот, затрудняет и даже больше — может стать раздражающим фактором, влияющим на восприятие текста как нарочито «школьного» и препятствующим его адекватному чтению.

2

Не могу удержаться от того, чтобы начать ответ на второй вопрос с обращения к упомянутым личным перипетиям. Как-то мне прислали правку статьи, где редактор исправил авторское «я» на «мы», сопроводив комментарием, что в научных работах писать «я» «нельзя». Мое изумление было весьма сильным даже не от подобной политики (с которой мне уже приходилось сталкиваться и к которой я относилась в соответствии с поговоркой «В каждой избушке свои погремушки»

¹ Впрочем, не могу не сказать, что в одной из моих собственных статей есть разделы «Источники и методология исследования», «Результаты исследования» и «Комментарии к полученным результатам» (почти IMRAD), но статья выстроилась так, можно сказать, сама собой, потому что подобного структурирования требовали и материал, и способ его анализа.

и с заповедью классика «В пустяках уступчив будь»), а от того, что для профессионального русиста — редактора журнала — русский язык был выученным, а не родным. Потом я обнаружила существование разнообразных пособий по культуре речи (написанных, что примечательно, уже в XXI в.), где недопустимость в научном тексте «яканья» вместо использования «скромного» и указывающего на принадлежность к группе авторского «мы» формулировалась весьма строго («Сейчас стало [sic!] неписаным правилом, когда автор работы выступает во множественном числе»; авторское «я» «исключается» из научной речи и даже «под запретом» в ней¹). Кажется, пособиям по стилистике советского периода, по крайней мере последней трети XX в., подобная директивность все-таки не была свойственна: их авторы писали об использовании местоимения «мы» в академическом тексте лишь как об иллюстрации характерной для научного стиля «обобщенно-отстраненности», констатируя «ничтожность» [Кожина 1977: 165] или «редкость» [Барлас 1978: 63—64]² (но не запретность!) местоимения «я» в научных текстах. Не занимаясь специально этим вопросом и не имея опыта научной деятельности в советский период, к сожалению, не могу сказать, было ли тогда использование эксклюзивного (т.е. обозначающего только пишущее лицо) авторского «мы» как *pluralis modestiae* (которое, с одной стороны, появилось в русском языке в XVIII в. под влиянием классических языков³, а с другой — не теряет своих позиций, например, в современной англоязычной научной традиции⁴) правилом писаным или неписаным (т.е. транслировавшимся лишь через вузовских преподавателей и редакторов), однако оно не было безусловным⁵. Что же касается современных пособий, запрещающих исследователю «якать», вероятно, мы имеем дело с проявлением пуризма, спровоцированным массовым распространением того, что опционально воспринимается если не как аномалия, то как не мейнстрим.

¹ Ссылки не привожу; источники можно обнаружить при помощи поисковых систем.

² В этом пособии приводится пример из статьи, опубликованной в «Вопросах языкознания» в 1975 г. Не берусь сказать, что скорее определило отсутствие мнений: редакционная политика журнала или авторитет автора статьи Р.А. Будагова, чл.-корр. АН СССР, завкафедрой в МГУ им. М.В. Ломоносова и специалиста, в частности, по стилистике русского языка.

³ Благодаря В.В. Зельченко, уточнившего это в частной беседе.

⁴ См. интересное исследование использования местоимений 1-го л. в английской и американской научных традициях, где, в частности, цитируются пособия по академическому письму: [Миколайчик 2022].

⁵ В обсуждении проблемы в социальной сети (2023 г.) коллеги конца 1950-х — начала 1970-х гг. рождения (т.е. учившиеся или начавшие учиться в вузах в советский период) вспоминали, что их учили как недопустимости авторского «я», так и неуместности «мы» при написании статьи одним автором, а не несколькими (последнее свидетельство единично, но относится к 1970-м гг.). Там же, впрочем, приводилось и свидетельство о редакторском исправлении «я» на «мы».

Лично мне как автору проще писать «я», а «мы» использовать только в инклюзивных значениях (подразумевающих единство адресата и адресанта, например: *как мы увидим далее...*) или во вводных словах типа *допустим* и т.д., при этом я люблю старинную конструкцию *автор этих строк* (из эстетических, а не «скромных» соображений). Как редактор же считаю, что использование тех или иных форм местоимения 1-го л. остается на откуп автора, не приветствую лишь разноречия в этом смысле.

Что же касается внимания к приключениям и переживаниям исследователя в ходе полевой работы, все зависит от задач исследования. Где-то без этого просто невозможно обойтись, а где-то это исключено самой формой подачи материала. Главное, чтобы все эмоции и перипетии были подчинены задачам работы, подтверждая и иллюстрируя ее положения, представляя собой, таким образом, не основное блюдо, а гарнир (без которого тоже, впрочем, обед не всегда полноценен) или десерт (необязательный, скромный, но приятный). Граница с любительской антропологией пролегает скорее не столько в количестве проявлений личного начала, сколько в его уместности по отношению к проблематике статьи — и, разумеется, в корректном использовании научных методов и других критериев, отличающих науку от любительства.

3

Хорошо помню свое недоумение лет десять с лишним назад, когда начала замечать в русскоязычных научных работах заимствованные термины, освоенные языком, но известные в других значениях, например *оптика* или *академия* (не ‘учреждение’, а ‘академическая наука’), а также собственно русские, но от того не менее экзотические, например *настройка*, *пересборка* и *точка сборки* (последнее прочно ассоциировалось с творчеством мистика Карлоса Кастанеды). Помню, как пишущие и редактирующие коллеги ужасались *кейсам* («это портфель!») и *практикам* («практика может быть только в единственном числе!»), а в одном из сетевых обсуждений использование таких терминов приписывалось «публичным интеллектуалам» (подразумевалось, что использование этих терминов позволяет им пускать пыль в глаза аудитории, маскируя поверхностность познаний). Потом, с опытом начитанности, в основном привыкли, хотя гуманитарии (отмечу — не занимающиеся социальными науками), которым неизвестны или которых коробят *практики*, попадают до сих пор, а от двусмысленной *академии* и мой собственный внутренний пурист просыпается и начинает глухо ворчать.

Понятно, что ни в заимствованиях, ни в их отторжении ничего противоестественного нет. Слова заимствуются не просто так: это происходит либо благодаря престижности языка-донатора

(в нашем случае англизированные термины используются и воспринимаются как «более научные», будто бы подтверждая компетентность автора), либо в силу инерции (когда автор имеет значительный опыт чтения и говорения на иностранном языке и ему проще воспроизвести англицизм, чем подобрать иной термин), либо (и это, на мой взгляд, наиболее частотный и по-настоящему оправданный случай) когда в языке-реципиенте для значения, передаваемого заимствованным термином, нет точного соответствия либо когда его буквальный перевод заведомо представляется неблагозвучным или требует многословной формулировки. Английский *кейс* — это ведь не просто *случай* или *ситуация* и совсем не этимологически родственный латинский *казус*. Что можно предложить вместо *эйджизма* — неужели *возрастизм*? (*Дискриминация по возрасту / принципу возраста*, конечно, адекватно, но слов три, а не одно.) Слово *эссенциализированный* сложно подобрать адекватную русскую кальку или немногословный перевод, но ведь и термин *эссенциализм* в отечественной гуманитарной науке имеет вполне почтенную историю; что же касается *руральности* < *rurality* (которая и в наши дни может переводиться представленной в словарях XIX в. *сельскостью*, ср. название семинара «Новая сельскость», проводимого в Европейском университете), потенциальное для соответствующего словообразования прилагательное *руральный* русскому языку также уже давно не чуждо. *Хардкорный* и *мидкорный* в качестве научных терминов, я, к стыду своему, вижу первый раз. С *этой перспективы*¹ мне и как носителю языка, и как профессиональному редактору, сочетающему определенную подготовку с вкусовщиной «наивного лингвиста» (а в последней ипостаси может выступать даже квалифицированный специалист), представляется, что приемлемость или неприемлемость тех или иных форм на практике определяется произвольно как автором, так и институтом редакции (т.е. редакционной политикой издания). А дальше, в *перспективе*, посмотрим, кто кого сборет (или не сборет): «славянофильский / традиционалистский» кит или «западнический / новаторский» слон: *сельскость* или *руральность*, *цифровизация* или *дигитализация* и т.д.

В любом случае я считаю, что научная работа должна быть понятной читателю и в необходимой мере соответствовать определенным конвенциям, поэтому, например, неоправданное терминотворчество воспринимаю как ненужное, повторы одних и тех же фрагментов текста (если вопрос касался их) — как недопустимые, а избыточное и неоправданное для целей ис-

¹ Кстати, не воспринимала этот оборот как нечто чужеродное, хотя Национальный корпус русского языка и Google.Books показывают, что он действительно недавний.

следования использование канцелярита (в некоторых случаях, впрочем, вполне приемлемое, см.: [Алпатов 2018]) — как затрудняющее восприятие текста.

4

Я испытываю огромное уважение к исследователям (не только антропологам), которые берут на себя труд по популяризации науки: пишут научно-популярные работы, выступают в СМИ, ведут телеграм-каналы и выступают в подкастах. Но задачи собственно научной работы, адресованной прежде всего академическому сообществу, все же другие, и ее автор, как правило, ориентируется прежде всего на эту аудиторию. Таким образом, популярность изложения совершенно необязательна, а научная работа, вообще говоря, априори не обязана быть понятной неспециалистам. Наряду с этим популярность изложения, на мой взгляд, вполне может быть уместна, если (особенно если) автор видит своим адресатом не только академического, но и «широкого» читателя, которого проблематика исследования способна заинтересовать. В этом смысле показательна монография [Архипова, Кирзюк 2020] — интеллектуальный бестселлер, в котором изложение местами даже не просто популярно, а игриво, но научной ценности книги и произведенному в ней скрупулезному анализу это совершенно не мешает. Что же касается использования в научных работах метафор и прочих тропов, это опять же остается на откуп автора с его идиостилем и согласовывающего с ним правку редактора, но никакой экзотики или принципиальной новизны здесь вовсе нет. Так, в свое время Д.Э. Розенталь полемизировал с мнением о том, что научный стиль «лишен элементов эмоциональности и образности», и приводил примеры из естественно-научных (!) работ XIX и XX вв., в которых «эмоционально-экспрессивные и изобразительные средства языка <...>, будучи, правда, дополнительным приемом, на фоне чисто научного изложения заметно выделяются и придают научной прозе добавочную убедительность» [Розенталь 1974: 32–33, примеч. 2].

Библиография

- Алпатов В.М. В защиту канцелярита // *Жанры речи*. 2018. № 4. С. 254–260.
- Архипова А.¹, Кирзюк А. Опасные советские вещи: городские легенды и страхи в СССР. М.: НЛЮ, 2020. 536 с.
- Барлас Л.Г. Русский язык. Стилистика: пособие для учителей. М.: Просвещение, 1978. 225 с.
- Гринёв А.В. Проблема наукометрической дискредитации российских гуманитариев // *Социология науки и технологий*. 2023. Т. 14. № 2. С. 122–143.

¹ Внесена Минюстом РФ в список иноагентов.

- Кириллова О.В. (ред.). Подготовка статьи к публикации в авторитетном журнале: краткие рекомендации для авторов и редакторов. М.: Ассоциация научных редакторов и издателей, 2023. 88 с.
- Кожина М.Н. Стилистика русского языка: учеб. пособие для ф-тов рус. яз. и лит. пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1977. 223 с.
- Миколайчик М.В. Авторское «мы» и «я» в британском и американском научном экономическом дискурсе: сравнительное корпусное исследование // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Филологические науки. 2022. Т. 8 (74). № 3. С. 87–95.
- Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка: учеб. пособие для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1974. 352 с.

АЛЬБЕРТ БАЙБУРИН

В последнее время замечен рост интереса к академическому письму (АП), точнее — рост его востребованности. И дело не только в «рейтинговой лихорадке», которая стала во многом определять научную жизнь. От того, насколько мы владеем АП, зависит восприятие наших публикаций научным сообществом. Курсы АП стали необходимой частью образовательных программ российских университетов относительно недавно. В мои студенческие годы таких курсов еще не было. Как и все студенты моего поколения, я учился на работах старших коллег. Образцами для меня были работы некоторых представителей семиотического направления и прежде всего В.Н. Топорова. Труды Владимира Николаевича привлекали меня главным образом в содержательном плане, но не только. Я не мог не обратить внимание на присущее им сочетание интереснейших соображений с точностью и изящностью изложения.

Когда я попал из Тарту в СПб (в начале 1970-х), меня удивили требования к научным работам, в частности обязательность вставок идеологического характера в письменные тексты. Особые требования предъявлялись к диссертациям. Даже через десять лет секретарь ученого совета отказался принимать мою диссертацию, поскольку в ней отсутствовали ссылки на работы классиков марк-

Альберт Кашфуллович Байбурин
Музей антропологии и этнографии
(Кунсткамера) РАН /
Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
abaiburin@gmail.com

сизма-ленинизма. Предполагалось, что советский стиль хотя бы в таком виде должен присутствовать в диссертации. Обязательность подобных требований довольно скоро исчезла, и можно было вздохнуть с облегчением.

Для меня основными принципами написания научного текста были и остаются ясность и точность изложения. Если есть возможность не использовать специальные термины, нужно ею воспользоваться. Перегруженность всевозможными терминами говорит лишь о том, что текст принадлежит дилетанту. Что касается терминологических заимствований из английского и других языков, отношение к ним разное. Термины, которые не имеют в русском языке точных аналогов, следует, конечно, использовать. А термины вроде «руральность» и подобные лучше оставить в покое.

Любой научный текст состоит из частей, которым присуща разная стилистика. Одно дело анализ материала и совсем другое, например, формулировка темы исследования. Здесь простор для воображения и множество возможностей, сдерживаемых необходимостью кратко сформулировать тему. Удачные названия нередко становятся образцами для подражания. Такова, например, судьба названия «Грамматика поэзии и поэзия грамматики» Романа Jakobsona. В последнее время распространились названия в форме деепричастного оборота вроде «Конструируя “советское”?» Наверное, никогда не выйдут из моды названия в вопросительной форме, которые как бы содержат загадку. Сейчас нередко встречаются названия, в которых одна часть является цитатой, а другая — отсылкой к содержанию исследования. Таково, например, название рецензии «“Здравствуй брат. Писать очень трудно...”», в том числе и об истории понятий». Первая часть отсылает к приветствию, принятому в объединении «Серапионовы братья». Вторая — намек на то, что рецензируемая книга вышла в серии «История понятий», издаваемой Европейским университетом. В свое время понравилось название книги Алексея Юрчака «Это было навсегда, пока не кончилось». Такие названия не проглатываются автоматически. Вообще нужно сказать, что название дает возможность не только интересно сформулировать тему исследования, но и настроить читателя на нужную тональность.

Автор так или иначе присутствует в научном тексте, даже если он использует безличные конструкции или скрывается за «мы». Советский стиль, как известно, предполагал использование авторского «мы». Трудно было представить научный текст на русском языке с авторским «я». Естественно, начиная с 1990-х гг. пришло / вернулось повествование от первого лица единственного числа. Казалось, что использование «мы» свидетельствует

о стремлении раствориться в коллективном, о перекладывании ответственности на кого-то еще. Впрочем, противники «я» и сейчас говорят, что «мы» необходимо для того, чтобы не выпячивать авторское «я» с его неизбежной субъективностью.

Наполнение «мы» может быть разным. Сторонникам его использования оно кажется предпочтительным хотя бы потому, что является выражением своей принадлежности к профессиональному сообществу. Говоря «мы», автор как бы подчеркивает, что действует в соответствии с корпоративными правилами, разделяет и выражает их. За «мы» может скрываться «я вместе с моим читателем» и многое другое. Как-то у нас на обсуждении одного из докладов возник вопрос о том, кто такие «мы», и докладчик ответил: «Мы — это я с моим научным руководителем».

Возможен и смешанный вариант: «я» — когда автор хочет подчеркнуть личную позицию и берет на себя ответственность за возможные недочеты, «мы» — для описания общих положений. Все зависит от контекста выражения авторского присутствия. Но лучше все-таки придерживаться одной позиции — как говорят редакторы, «пусть безобразно, зато единообразно».

Что касается описаний приключений и переживаний исследователя в ходе полевой работы, на мой взгляд, они вполне допустимы и даже необходимы в тех случаях, когда помогают лучше раскрыть какие-то содержательные моменты исследования. Другое дело, что увлекаться ими не стоит.

Работа в редакции академического журнала показала, что владение основными положениями АП необходимо не только тем, кто начинает научную работу. Это так или иначе ощущается при поступлении статей в журнал. К числу наиболее показательных особенностей присылаемых текстов относится отсутствие исследовательского вопроса или его невнятная формулировка. Нередко вместо исследовательского вопроса формулируется «цель» исследования. Выражения вроде «целью исследования является анализ...» говорят лишь о том, что автор не задумывается о смысле подобных фраз, характерных, кстати, и для текстов диссертаций. Анализ не может быть целью исследования по той простой причине, что он всегда делается с какой-то целью. О методах, точнее о том, как они представлены, нужно говорить специально, а сейчас лучше промолчать.

Каждый автор, наверное, рассчитывает, что его работа привлечет читателей, но ориентируется прежде всего на тех специалистов, мнение которых для него особенно важно. Популярность научного текста зависит главным образом от темы и характера ее раскрытия. Последнее неизбежно связано со стилем изложе-

ния. Как уже было сказано, ясность и точность изложения являются, с моей точки зрения, основными принципами академического письма. От их соблюдения зависит и степень популярности текста, но только в том случае, если содержание соответствует ожиданиям читателей. Разумеется, в научном тексте обычно присутствуют специальные термины, но, если он по-настоящему интересен, эту сложность без особого труда может преодолеть и неспециалист.

Мне не раз приходилось слышать, что научный стиль отличается не столько сложностью, сколько занудностью. Метафоры и другие тропы вряд ли изменят такое восприятие. Скорее, наоборот, подчеркнут специфическую природу этого стиля. Тем не менее они не повредят, если окажутся уместными в тех или иных контекстах.

Обычно о стиле научного текста разговор заходит лишь в тех случаях, когда он явно нарушается. Между тем то, как мы пишем, нуждается, наверное, в постоянном критическом взгляде и в тех случаях, когда мы считаем, что со стилем все в порядке. Я в этом убеждался, когда приходилось перечитывать свои тексты.

АНАСТАСИЯ БЕЛЯЕВА

Больше, чем просто письмо: переписывая антропологию

На первый взгляд кажется, что письмо, форма и стиль изложения — это какие-то второстепенные вопросы, по важности сильно уступающие вопросам теории и содержания, имеющим мало общего с полевыми материалами, которыми хочется поделиться. Кажется, что нет большой разницы в словах, в стиле, ведь главное — содержание? Но если преодолеть это первое впечатление, оказывается, что вопросы про письмо и рефлексия о нем в антропологии очень важны. В свое время именно дебаты о письме (writing culture) стали важным этапом в дисциплинарной рефлексии.

Анастасия Михайловна Беляева
Российский национальный
исследовательский медицинский
университет им. Н.И. Пирогова,
Москва, Россия
gurenovitz@gmail.com

Сейчас, видимо, пришло время для нового осмысления письма и стиля в антропологии, которое, с одной стороны, продолжает то, что было сказано и написано по этому поводу раньше (например, в работе Рут Бехар:

[Behar 1996]), а с другой, исходит из изменившегося, уже современного контекста. Последний номер “American Anthropologist” вынес в качестве темы номера размышления о том, почему именно сейчас так сильно увеличилось количество «личных» текстов, написанных антропологами про себя в жанре автоэтнографии или этнографических мемуаров. Что это говорит нам о мире и об антропологии? Как это перестраивает дисциплину? [Walley, Elliott 2025].

Тот поворот, о котором пишет “American Anthropologist”, я почувствовала на себе в прямом смысле: в какой-то момент, еще до того, как я смогла это сознательно отследить и отрефлексировать, автоэтнография стала казаться мне самым интересным жанром и с точки зрения читателя, и с точки зрения автора. Кажется, что это действительно какой-то дух времени.

2

Я отношусь к возвращению авторского «я» в антропологический текст с большим энтузиазмом. Это связано как с моими субъективными предпочтениями, так и с более глубокими теоретическими основаниями.

Голос автора

Больше всего я люблю читать именно те тексты, где звучит авторский голос, будь то личные истории, автоэтнографические статьи или даже отдельные автобиографические отступления. Почему исследовательница выбрала именно эту тему? Это продиктовано ее интересами, опытом, ей интересно что-то из-за ее личной истории? Или это вызвано, наоборот, отторжением и желанием понять? Или тема избрана из-за того, что дали грант, и не вызывает энтузиазма вообще? Очень хотелось бы автоэтнографию как раз про последнее! Я всегда с интересом читаю авторские предисловия к книгам, иногда только там можно «услышать» реальные голоса авторов, когда они кого-то благодарят или пишут о том, что на них повлияло. Иногда это и есть самая интересная часть книги. Без голоса автора, сколько бы полезным ни был текст, он не будет интересным.

Я хочу упомянуть автоэтнографию как жанр антропологического письма, в котором как раз сочетается внимание к собственным эмоциям, личным перипетиям и более общий социальный, политический, культурный контекст. Автоэтнографию, которая связывает личное с социальным и политическим, написать гораздо сложнее, чем текст про других людей. Я знаю это по своему опыту. Писать про себя очень страшно, потому что показываешь свои уязвимые места, какие-то важные части себя и своего опыта. Без готовности к искренности и открытости за автоэтнографию бессмысленно браться. Это не нарциссизм и не самолюбование, как думают те, кто никогда не пы-

тался даже написать что-то похожее на автоэтнографию, это скорее преодоление страхов и попытка осмысления того, что важно одновременно для тебя и, как кажется, для других.

Одна из моих любимых небольших автоэтнографий написана Нэйтаном Ходжесом и рассказывает про его опыт взросления с кривыми зубами [Hodges 2015]. Он описывает свои переживания по этому поводу, свой постоянный контроль над улыбкой и смехом, который принес ему репутацию угрюмого, недружелюбного юноши. Казалось бы, это совершенно непримечательный факт личной биографии, мало ли у кого какие зубы. Но автор рос в США, стране, известной своей «американской зубной мечтой». Американская культура постоянно транслирует, что зубы должны быть ровными, белыми, идеальными. Но если не повезло с зубами, то можно же пойти к ортодонту и исправить? Нет, это не просто дорого, а запредельно дорого, поэтому для семьи из рабочего класса, в которой вырос автор, это было совершенно недоступно. Автор ставит проблему в классовый контекст, и его зубы оказываются не просто кривыми зубами, они становятся воплощением социального неравенства и пролетарских корней, которые каждый раз заявляют всем о себе при улыбке. Таким образом, личная история про зубы становится одновременно и историей про общество, про социальное неравенство, классовую систему и иерархию.

Такой подход, соединяющий личное с социальным, делает автоэтнографии самыми интересными текстами, которые мне доводилось читать. Когда автор честно и открыто пишет о себе, это дает другой уровень понимания и проникновения, который редко встретишь в текстах о других.

Кроме того, мне кажется важным вернуть разные «я» в антропологические тексты, особенно «я» женского рода. Часто тексты, написанные женщинами, все равно пишутся как бы от мужского, якобы нейтрального лица. Но оно не нейтральное, оно мужское. Если антропология — про различия, интерес к различиям, уважение к ним, то и «я» авторов статей должны быть разными: женскими, мужскими, молодыми, зрелыми, верующими, атеистическими, с разными взглядами, опытом, положением в обществе.

Позиция «я vs. мы»

С теоретической точки зрения включение себя, собственного «я» в текст позволяет начать работу по прояснению своей позиции, из которой этот текст пишется. Прояснение своей позиции кажется методологически необходимым, ведь единственные инструменты познания в антропологии — это сами антропологи. Следовательно, то, в какой позиции мы находим-

ся, как относимся к тому, что изучаем, как меняемся в процессе исследования — все это оказывается бесконечно важно, потому что формирует результаты, которые мы представляем в тексте (об этом одними из первых писали феминистки: [Haraway 1988; Abu-Lughod 1991]). Игнорирование своей позиции, как пишет Рут Бехар [Behar 1996], гораздо более опасно, потому что оно скрывает искажения, предвзятость, смещения, которых не может не быть. Можно сравнить исследователей с линзой, которая собирает множество лучей во что-то единое, придавая им тот или иной фокус, в результате чего получается текст, понятие, гипотеза. Отдавая себе в этом отчет, кажется очень странным пытаться не обращать на это внимание, не рефлексировать и скрываться за «мы».

Если антропологи рассматривают свою позицию как «объективную», то она не становится от этого объективной, она просто скрывает предпосылки, которые не были выведены на поверхность и отрефлексированы. А внимание к себе делает это более явным, позволяет прояснить, для себя самой же в первую очередь, свое отношение и к объектам, и к субъектам исследования. Помимо этого, описание своей позиции, ее изменений, которые часто случаются в процессе полевой работы, ведет к рефлексии над ней, что очень обогащает любой антропологический текст.

Приведу пример того, как моя собственная позиция менялась неоднократно в процессе исследования, под влиянием моих находок и рефлексии, и как это сказывалось на том, из какой позиции я пишу, оцениваю, исследую.

Когда я только взялась за исследование вегетососудистой дистонии (ВСД) как советской болезни и диагноза, я относилась к ВСД очень критически. Я думала, как и многие, что это «несуществующий диагноз», который врачи ставят, когда не знают, что поставить. И что ВСД — болезнь, которая была придумана отсталой советской медициной и от нее надо поскорее избавиться, если мы хотим современную, научную, доказательную медицину в России. Мне казалось, что нужно разоблачение этого бессмысленного диагноза. Но как это бывает, когда начинаешь свое исследование, постепенно картина меняется: исследуемое приобретает глубину и объем, а то, что казалось простым, оказывается сложным.

К тому же процесс исследования меняет и исследователя. Но я была очень самоуверенна: ну я же не смогу изменить свое мнение о ВСД! Но это меня не спасло. Шаг за шагом, погружаясь в историю, беседуя с врачами, распутывая корни ВСД, я начала понимать, что этот диагноз не так абсурден, как казалось сначала. Если смотреть на ВСД не как на ошибку или нелепицу,

она становится безумно интересным объектом с долгой и интересной историей, в которой отражаются процессы, происходившие с нашей страной в XX веке.

Последний (пока) шаг на пути исследования был в том, что я обратилась к себе. Вначале я представляла свое исследование как традиционное, где я рассматриваю внешний объект, пишу о нем, оставляя себя за рамками текста. Но потом, уже в процессе письма, я поняла, что я не сторонняя исследовательница, я часть этой истории, а ВСД — часть меня. Здесь сплетаются моя собственная, в том числе телесная, история и история страны — то, что сделало меня мной, такой, какая я есть. Осознав это, я больше не могу быть беспристрастной, история ВСД становится моей историей.

*Мне тоже ставили этот диагноз, неоднократно, в разные периоды жизни и в разных условиях. Наверное, в начале исследования я бы сказала, что это на меня никак не повлияло — ну как может повлиять несуществующий диагноз? Сейчас, конечно, это мне кажется наивным. Я не могу не признать, что ВСД повлияла на меня довольно сильно. Она во многом сформировала то, как я ощущала свое тело, себя, свое (не)здоровье. Это сложный клубок ощущений и суждений, в нем нет однозначности и простоты. Я не ощущала себя нездоровой, болезненной или слабой, но я **знала**, что я такая. И это знание, отвлеченное от моих непосредственных ощущений, было мною принято из-за диагноза ВСД, поставленного мне первый раз еще в детстве. Поставить под сомнение авторитетное мнение врачей я смогла уже гораздо позже. Более того, мне кажется, что эти ощущения, порожденные диагнозом, сложные, неосознаваемые, скрытые от самой себя, не только мои, но гораздо более общие.*

Работы по прояснению собственной позиции мне очень не хватает во многих современных текстах на русском языке. Если текст пишется от собирательного «мы», это значит, что никакого прояснения позиции не будет. Я думаю, что если будет больше текстов с автоэтнографической частью, это может спровоцировать дискуссию о субъективности и позиции в российской антропологии.

Шаткие основания

Все это приводит к более широким вопросам об антропологическом знании, его основаниях и основаниях научности и объективности как таковых. Стоит потянуть за авторское «я», за стиль письма — и вот мы уже в глубинах рефлексии. Конечно, само по себе внимание к субъекту в тексте не причина, а лишь один из симптомов, который при должном внимании позволяет увидеть многое.

Включение субъективного, эмоционального, меняющегося автора в текст помогает увидеть, что та антропология, которая стояла и стоит на позициях объективности, на самом деле лишь скрывает за этой объективностью свои предпосылки. Эта объективность начинает покрываться трещинами, к ней возникает все больше вопросов: не служит ли она ширмой, скрывающей, как создается знание в антропологии? Это позволяет увидеть, как расшатываются основы классической, позитивистской, идущей от Просвещения эпистемологии. Как только в текстах появляются разные авторы, которых не было до этого, например антропологи, принадлежащие к той же группе, которую они исследуют, становится более заметно, как, кем и за счет чего создавалась та самая объективность.

В результате мы сейчас наблюдаем за тем, как перестраивается антропология, переосмысляются ее основания, в том числе в текстах, написанных антропологами о самих себе.

4

Я вижу антропологию прежде всего как гуманистический проект: своими текстами, фильмами она прорубает окна в стенах, которые люди строят между собой и другими. Она показывает, что люди могут быть очень разными и жить в совершенно непохожих мирах. Да, различия пугают, но именно они сильнее всего меняют и обогащают нас. Поэтому антропологические тексты могут вызывать сильные чувства, ведь они рассказывают про людей, про сообщества, про то, что объединяет, и то, что разъединяет, про ощущение дома, про любовь, про связь человека и места, про другие миры. Как и литература, антропологические тексты переносят в пространстве и времени, дают возможность не только прожить свою конкретную, так или иначе довольно ограниченную жизнь, но и прикоснуться к жизням других людей (и даже не только людей).

На мой взгляд, никакая высоколобая теория на академическом жаргоне не делает того, что делают хорошо и увлекательно написанные антропологические тексты: они позволяют прикоснуться к другому человеку, другому месту, другому опыту и взглядам, показывая их как что-то живое и то, чему можно сопереживать. Именно это дает увидеть другого, с интересом отнестись к отличному от тебя, дает возможность измениться самой. Как пишет Пол Столлер, самый большой дар, который (хорошо написанная) этнография может дать миру, — это ее способность оживлять пространства и места, давая читателям прочувствовать их, переместиться туда, познакомиться с теми, кто там живет [Stoller 2023].

Здесь как раз можно нащупать связь между авторской субъективностью и созданием истории о других. Написать хороший текст, который сможет перенести человека в другое место,

в другую жизнь, невозможно без опоры на себя, без трансляции своего опыта. Как можно описать место, не рассказывая о себе и своих ощущениях от него? Как можно описать чужой опыт, не рассказывая о своей реакции на услышанное или увиденное? В таком случае получится та отстраненная антропология, которая скорее экзотизирует.

Может показаться, что я хочу свести антропологию к этнографической литературе и рассказыванию историй, но это не так. Без рефлексии и способности соотносить индивидуальное и политическое, личное и социальное, субъективное и структурное эти истории останутся лишь анекдотами, частными случаями. Способность видеть связи и показывать их — одна из сильных сторон антропологии, то, без чего ее невозможно представить. Но я не сомневаюсь, что это возможно и без зубодробительного академического жаргона и усложненных предложений, где слова нанизаны друг на друга так, что смысл ускользает, оставляя еще один текст навсегда недочитанным.

Недавно мне попалось очень точное сравнение, его привел антрополог Александрас Пласатис. Он сравнил большинство антропологических текстов, в том числе важных с теоретической точки зрения, с куриной грудкой, сухой и невкусной, которую приходится запихивать в себя исключительно ради пользы. Но при этом, продолжил он, есть же соусы и специи, которые могут добавить ей разных вкусов, сделать ее и вкусной, и аппетитной, почему же антропологи не пользуются ими? Почему многие продолжают воспроизводить эту сухую невкусную еду, которую приходится заталкивать в себя безо всякого удовольствия? Ведь можно же работать над своими текстами, чтобы сделать их более интересными и увлекательными?¹

Я думаю, что работать над своими текстами, делая их более понятными, увлекательными, хорошо написанными, улучшая стиль, письмо, язык, — это только на благо. К тому же письмо может быть частью того, что автор хочет сказать. Письмо и стиль — это инструменты: с их помощью можно делать многое, не только вызывать зевоту у читателей. А привлекая читателей, мы делаем антропологию более видимой.

Еще я бы хотела призвать к тому, чтобы почаще становиться на позицию читателя. Ведь мы же не только пишем, но гораздо больше читаем! И тут стоит ответить себе на вопрос, что же из антропологических текстов мне нравится читать больше всего? Возможно, писать для себя-читателя не такая плохая идея.

---

¹ Я бы посоветовала книгу Пола Столлера [Stoller 2023], который в последние годы ведет мастер-классы, посвященные тому, как писать хорошие антропологические тексты.

5

Я люблю читать, люблю интересные и хорошо написанные книги, поэтому мне хотелось бы, чтобы и в антропологии таких текстов было больше. Если знаешь, каким может быть по-настоящему хороший текст и что он может делать с читателями, то очень обидно смотреть на то, как потрясающий полевой материал превращается в скучную статью или книгу. Источником рекомендаций для меня служат премии в области этнографического письма: Victor Turner Prize за хорошо написанную этнографическую книгу и Edie Turner Prize за хорошо написанную дебютную книгу.

Среди конкретных книг, которые сочетают в себе и глубину, и стиль, я бы хотела упомянуть «Наверно я дурак» Анны Клепиковой [Клепикова 2018], «Верю каждому зверю» Настасьи Мартен в переводе Тимофея Хмелева [Мартен 2022], «Гриб на краю света. О возможности жизни на руинах капитализма» Анны Левенхаупт Цзин в переводе Шаши Мартыновой [Цзин 2017], «Шаманскую жизнь» Юрия Симченко [Симченко 1993], работы Пола Столлера “In Sorcery’s Shadow: A Memoir of Apprenticeship among the Songhay of Niger” [Stoller, Olkes 1987], “Stranger in the Village of the Sick: A Memoir of Cancer, Sorcery and Healing” [Stoller 2004], Лизы Стивенсон “Life Beside Itself. Imagining Care in the Canadian Arctic” [Stevenson 2014] и книгу, написанную журналисткой Энн Фэдимен, “Spirit Catches You and You Fall Down” [Fadiman 1998], которая стала классикой медицинской антропологии. Все эти книги очень разные и по темам, и по стилю письма, и по настроению, но все они для меня примеры, как можно писать увлекательные антропологические тексты.

Библиография

- Клепикова А. Наверно я дурак: антропологический роман. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2018. 432 с.
- Мартен Н. Верю каждому зверю / Пер. с фр. Т. Хмелёва. СПб.: Jaromir Hladik Press, 2022. 128 с.
- Симченко Ю.Б. Обычная шаманская жизнь // Российский этнограф. 1993. Вып. 7. 175 с.
- Цзин А.Л. Гриб на краю света: о возможности жизни на руинах капитализма. М.: Ad Marginem, 2017. 376 с.
- Abu-Lughod L. Writing Against Culture // Fox R. (ed.). Recapturing Anthropology. Santa Fe, NM: School of American Research Press, 1991. P. 137–162.
- Behar R. The Vulnerable Observer: Anthropology That Breaks Your Heart. Boston, MA: Beacon Press, 1996. 196 p.
- Fadiman A. Spirit Catches You and You Fall Down. New York: Farrar, Straus & Giroux, 1998. 341 p.

- Haraway D.* Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective // *Feminist Studies*. 1988. Vol. 14. No. 3. P. 575–599.
- Hodges N.* The American Dental Dream // *Health Communication*. 2015. Vol. 30. No. 9. P. 943–950.
- Stevenson L.* Life beside Itself: Imagining Care in the Canadian Arctic. Berkeley, CA: University of California Press, 2014. 251 p.
- Stoller P.* Stranger in the Village of the Sick: A Memoir of Cancer, Sorcery and Healing. Boston, MA: Beacon Press, 2004. 228 p.
- Stoller P.* Wisdom from the Edge: Writing Ethnography in Turbulent Times. Expertise Cultures and Technologies of Knowledge. Ithaca, NY; London: Cornell University Press, 2023. 204 p.
- Stoller P., Olkes C.* In Sorcery's Shadow: A Memoir of Apprenticeship among the Songhay of Niger. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1987. 235 p.
- Walley C.J., Elliott D.* Unsettling the Self: Autoethnography and Related Kin // *American Anthropologist*. 2025. Vol. 127. No. 1. P. 121–130. doi: 10.1111/aman.28050.

ЮРИЙ БЕРЕЗКИН

Поскольку лучший аттрактор смысла — простота и ясность.

Л.С. Клейн

Во всем, что касается стиля, не может быть твердых правил. Разницу между безвкусицей, повседневностью и высокой модой бывает непросто описать, хотя нормальный человек ее ощущает. Некоторые чувствуют слово, и для них «руральность» и «хардкорный» как ножом по стеклу и даже теркой по коже. Другим это безразлично, и если аудитория, к которой они обращаются, такая же, как они сами, то эти люди вряд ли поймут, чего от них хотят. Сам я убежден, что во всех случаях, когда можно обойтись без недавних заимствований из других языков, это следует делать. В принципе любую терминологию можно, как и во времена Ломоносова (а финны так делают по сей день), создавать на основе ресурсов своего языка. Однако для этого лидеры в соответствующей отрасли знания должны обладать чувством миссии и уверенностью в собственной правоте — пусть нам подражают, а не мы другим. Я не читаю статей про эйджизм и эссенциализированность, но, случайно наткнувшись, могу

Юрий Евгеньевич Березкин
Музей антропологии и этнографии
(Кунсткамера) РАН /
Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
berezkin1@gmail.com

процитировать друзьям выдержки, чтобы весело посмеяться. Вызвано ли это моим собственным невежеством в данной области? Все может быть, но если я — опять-таки случайно — наткнулся на математическую или генетическую статью, в которой тоже ничего не понимаю, она вызывает не смех, а зависть. Иначе говоря, обилие англицизмов может (наверно, не всегда) отражать не столько глухоту авторов к собственному языку, сколько отсутствие ясности относительно целей, которые данная дисциплина ставит перед собой. Понятным языком можно изложить даже квантовую хромодинамику, и лучшие лекторы это успешно делают. Но я никогда не слышал, чтобы кто-то популярно рассказывал о хардкорности и руральности. Есть незаменимые англицизмы (*pattern*), но лучше писать «Африка южнее Сахары», а не «субсахарская Африка».

Что касается канцеляризов, то их надо выжигать каленым железом — с проблемами терминологии канцеляризмы не связаны. Как и использование десяти длинных слов там, где можно обойтись семью короткими.

Выбор между «я» и «мы» зависит от ситуации. Если в статье подводится итог собственной двадцатилетней работы, то «я» выглядит естественнее. Есть сложные случаи, когда в одной и той же статье при обычном нейтральном «мы» становится необходимым иногда переходить на «я». Корректоры такого не любят. Описывать трудности собственной работы или приключения в поле в нормальной статье не надо — это признак постмодернизма. Но это не запрещено в предисловии или заключении к авторской монографии.

Мне не кажется, что за 120 лет нормы хорошего научного стиля существенно изменились, но на них всегда влияли язык публикации и личность автора. Стиль Боаса для меня идеален: просто и кратко. Научная статья не может следовать образцам, заданным Тургеневым или Чеховым, но в той мере, в какой это не противоречит особенностям жанра, оба автора все же являются образцами. Советская эпоха наложила страшный отпечаток (в разной степени, разумеется) на всех, кто жил и писал в это время, так что время между началом 1920-х и концом 1950-х лучше не трогать. Но дальше многие люди писали неплохо. Впрочем, и в глухое советское время разве В.Я. Пропп не писал хорошо? С ним можно не соглашаться, но написано блестяще — и не по гранту, а порою с риском для жизни.

По поводу популярности изложения. Есть некоторые элементарные правила. Так, использование кавычек разрешено только при цитировании. Иначе оно показывает, что автор не справился с терминами. То же касается метафор или вопросительных предложений. Правила неотделимы от исключений, но для

исключений должны быть веские основания. Популярность текста обусловлена не разболтанностью языка, а точностью определений и понятной логикой. Надо истреблять штампы, которые бывают незаметны в устной речи, но режут глаз в письменной (типа «очень хороший» вместо просто «хороший», «активно действуют» вместо просто «действуют»). Помнить, что порядок слов в русском предложении может быть почти любым, но каждая перестановка членов предложения меняет его смысл. Если подобные простейшие правила соблюдены, то текст будет ясным, а тем самым и популярным. Единственное, чем популярный текст всегда отличается от предназначенного специалистам, это необходимостью разъяснять термины, которые вроде бы каждый знает, но на самом деле не каждый, либо такие термины вообще не использовать.

Касательно любимых авторов — я уже назвал Боаса. Мэри Дуглас неплохо писала, хотя порой слишком сложно. Леви-Строс не мой герой, но понимаю — *livre de qualité*. Хотя из французских авторов только М. Леенхардт писал по-человечески, а все прочие — с отклонениями от спокойной нейтральности.

Все сказанное не значит, что сам я пишу идеально — конечно, нет. И это зависит не столько от тщательности правки, сколько от ясности задачи и очевидности доказательств. Иначе правка не поможет.

Я помню наизусть (хотя бы отчасти) довольно много чужих стихов, а в последние 20 лет даже придумываю собственные. Это полезно для работы со стилем, но не есть обязательное условие хорошего владения прозой.

ЕВГЕНИЙ ВДОВЧЕНКОВ

1 Вопрос соотношения содержания и формы, научного текста как такового и его стиля, поднимается не так часто, как он того заслуживает. Публикуя результаты своих трудов в научных журналах и сборниках, исследователи уделяют качеству текста и его стилю внимание обычно в том случае, когда начинаются вопросы редактора. Эти случаи, к сожалению, довольно редки.

Определение, что такое «нормальный стиль» в современной науке, в настоящий момент трудно конкретизировать в связи с отсутствием какого-либо ориентира. Полагаю, что сейчас на стилистику влияет главным обра-

зом необходимость писать *много* текстов. Статья — основная форма научного труда в настоящее время — должна вызвать, необходимо проговорить ее на конференциях, в кулуарах, поработать источниковую базу, потом отложить, вернуться, еще раз осмыслить логику изложения и, конечно же, стиль. Но количество мероприятий, в которых приходится участвовать (а к ним часто требуются материалы в сборники), статей по грантам, проектам, просто для отчетности приводит к тому, что публикуемые тексты недоработаны. В результате они короткие, иногда сырые, логически не выверены, и чаще всего они просто недостаточно хорошо написаны. Количество и качество здесь, очевидно, противоречат друг другу. Как заметил питерский коллега П.В. Шувалов в одной беседе с младшим по возрасту коллегой, «проблема нашего поколения в том, что мы слишком мало публиковались, проблема вашего — то, что вы слишком много публикуетесь».

Это, конечно, результат не только публикационной политики ведущих научных издательств, а общего духа времени и условий работы ученых, как в вузах, так и исследовательских институтах (и других учреждениях). Но именно это и порождает эту самую публикационную политику. Хорошая, основательная статья требует год-полтора на написание, осмысление, обсуждение, и ее подготовка — процесс, к которому готовы редакторы не всех изданий.

2

Безусловно, местоимение «я» не только уместно, но часто необходимо, и не только на страницах научных текстов. Каждый исследователь выбирает свою позицию, у каждого есть право на личную интонацию, как на пафос, так и на самоиронию. Выстраивание текста от имени «я», «мы», в безличном формате — это бесспорное право автора.

Активное использование личных впечатлений и субъективных переживаний вполне допустимо и может дать отличную иллюстрацию какого-либо явления или стать хорошим введением в проблему. Но выстраивание научного текста от личной позиции чревато тем, что текст меняет жанровую принадлежность. Есть мемуары, есть биографии, где личная позиция играет ключевую или просто важную роль и где автор может вести читателя вслед за собой. Главная проблема самоописания в научном тексте не в нескромности, а в методической выверенности позиции исследователя. Научный текст требует определенной дистанции с объектом исследования. Уязвимость авторской позиции наглядна в сопоставлении двух книг известного ученого Л.С. Клейна — «Перевернутый мир» [Клейн 2010a] и мемуаров «Трудно быть Клейном» [Клейн 2010b]. Претенциозное название мемуаров легко воспринимается

в автобиографическом контексте, в то время как научная составляющая «Перевернутого мира» довольно проблематична (при всей актуальности тех проблем, которые ставил Лев Самуилович).

3

Автор этих строк, слушая недавно доклады на Ученом совете структурного подразделения университета, поймал себя на мысли, что не понимает содержание вот уже нескольких докладов и презентаций, посвященных текущим процессам, реформам, образовательным стандартам, компетенциям и прочим вещам, далеким от сознания преподавателя, но обрушивающимся на него в последние десятилетия в той или иной форме с ужасающей регулярностью. Но этот птичий язык чиновников и узкой группы лиц, как и язык документов, далек от профессорско-преподавательской среды. Нужно время, чтобы его перевести, осмыслить, внедрить, использовать (но обычно министерские и университетские чиновники не снисходят до таких незначительных деталей). По факту многое из того, что произносится и декларируется на уровне чиновников, является факультативным для основной массы сотрудников вузов. Как итог высшее образование являет собой яркий пример ситуации полуполомки (ср.: [Мохов 2018]), когда образовательный процесс идет зачастую вопреки нормативным актам и образовательным стандартам, за которыми невозможно угнаться и чья логика выстроена перпендикулярно образовательным целям.

А вот в исследовательской среде, в научных текстах новые термины, неологизмы и заимствования существуют иначе. Их активное внедрение — неизбежный и важный процесс. В антропологии ситуация особая в сравнении с другими гуманитарными науками. Отечественная антропология, являясь частью мировой, активно использует теорию и практику англоязычных текстов, в результате чего возникает необходимость освоения и осмысления понятийного аппарата, соотнесения его с теорией и практикой. В исторической науке, например, новые термины — удел теоретиков, инноваторов, которые апробируют новые концепции. В археологии же существует сформировавшийся понятийный аппарат, и на новые термины и теории смотрят с традиционным подозрением.

Возвращаясь к антропологии — новые термины, если они не завязаны на специфику исследовательского поля (например, терминология компьютерных игр или арготизмы производственного коллектива), должны утвердиться в исследовательской практике и доказать свою полезность и эвристический потенциал. Как известно, о терминах не спорят, о них договариваются, и автор вправе в рамках своего исследования обозначить новый термин и его значение. Но утвердится ли он,

получит ли поддержку коллег — это совсем другой вопрос. Здесь можно вспомнить как активное внедрение новой терминологии из англоязычной литературы, так и творчество отечественных ученых, например Юрия Ивановича Семенова, известного целой системой внедренных им понятий.

Нужно также учитывать, что, помимо логики научной парадигмы, термин апробируется в пространстве русского языка. Русский язык и его функционирование в научной среде имеют свои особенности, в результате чего многое из того, что попадает в тексты, будет оставлено и забыто.

Но проблема еще и в том, что нужно заново переосмыслить теоретические основания и концепции в нашей науке. Мое поле исследования находится на пересечении археологии, антропологии и древней истории. Та социально-политическая терминология, которая используется для древних обществ, нуждается в обновлении, учитывая достижения как мировой науки, так и отечественной. Например, терминология, восходящая к марксистской парадигме советского времени («классообразование», «формации», «феодализм», «родо-племенной», «военная демократия» и т.д.), и сейчас преобладает на страницах многих гуманитарных исследований и нуждается в пересмотре. Поэтому задача состоит в осмыслении не только заимствований из англоязычных текстов, не только терминологии и концептов как таковых, но и теории вообще. В этом плане проблема понятийного аппарата тесно смыкается с проблемным полем предыдущей дискуссии «Антропологического форума» № 64 о теории в антропологии и неразрывно с ней связана.

4

Популяризация — это слабое место в современной отечественной науке (несмотря на обилие разнообразных научно-образовательных проектов). Научно-популярные тексты необходимы, чтобы перекинуть мостик между наукой и обществом. Также они выполняют важнейшую задачу ознакомления с достижениями и положениями своей области коллег из других отраслей науки и даже из других сфер своей. Написанная хорошим языком научная литература, научно-популярные труды, учебные пособия выполняют важную мировоззренческую и научную функцию, расширяя кругозор и представления ученых. Для ознакомления с работами из других областей науки у ученых, как правило, нет специальных знаний, поэтому так важны обобщающие труды и монографии. К сожалению, в настоящее время исследователи не особо мотивированы к написанию трудов, доступных для самой широкой публики. Выход видится в том, чтобы писать, не перегружая текст и сохраняя его точность, — традиция, хорошо известная в англоязычной литературе. В этом плане антропологические труды необходимы

историкам разных эпох, археологам, филологам, политологам и представителям других научных областей. Такие работы хорошо известны, и нужно расширять эту практику.

5

В 2006 г. я попал на «Школу молодого автора», проводимую в г. Пушкине Сергеем Алексеевичем Панариным. Эта школа дала мне важный опыт работы с академическим письмом — тот опыт, который я не получил в рамках университета — ни в специалитете, ни в аспирантуре. После нее я продолжил сотрудничество с участниками этой школы над сборником работ выпускников этой и других школ [Вдовченков 2008]. Практика проведения этих школ сложилась еще в 2002 г. и продолжается по сию пору. Так, на базе Института востоковедения РАН этой весной прошла очередная Школа молодого автора «Искусство академического письма. Академическая риторика». По итогам многих школ выпущено пособие «Как писать научный текст» [Панарин 2014], которое я активно рекомендую студентам и аспирантам.

Библиография

- Вдовченков Е.В. (ред.). Евразийское пространство глазами молодых, или Новое поколение о... Альманах Школы молодого автора (2006–2007 гг.). М.: Вестник Евразии, 2008. 376 с.
- Клейн Л.С. Перевернутый мир. Донецк: ДонНУ, 2010а. 406 с.
- Клейн Л.С. Трудно быть Клейном: автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор-История, 2010б. 730 с.
- Мохов С.В. «Идеальные поломки»: инфраструктура рынка ритуальных услуг и производство социального порядка // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 146–160.
- Панарин С.А. (ред.). Как писать научный текст: опыт Школы молодого автора: учеб.-метод. пособие. 2-е изд., доп. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 259 с.

АЛЕКСАНДРА ЗАХАРОВА

1

2

4

Как-то раз один российский антрополог ответил на критический комментарий к своему докладу: «Я не ученый, я литератор». Эта фраза (вмещающая в себя и известную гирцевскую максиму, и интенции *writing culture*) во многом определила то, что антропологию я воспринимаю прежде всего не как объективное исследование реальности, но как особый вид письма, эту реальность интерпретирующего. Главная задача антрополога — передать посредством текста важные

Александра Леонидовна Захарова

Социологический институт РАН —
филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия
azakharova@eu.spb.ru

аспекты социальной жизни в ее многообразии и сделать это метко и увлекательно, ведь текст должно быть интересно читать. Кто именно является читательской аудиторией антрополога — вопрос не праздный, и точного ответа на него у меня нет. Подзреваю, что в основном антропологов читают коллеги-ученые, иногда представители исследуемых «сообществ» и (только если повезет) широкая аудитория. Поэтому в качестве ориентира для себя я определила, что текст должен быть интересен хотя бы его автору, и тогда, возможно, читатель для него однажды найдется.

Сухого изложения «фактов» современному антропологу, на мой взгляд, недостаточно. Помимо проблемной идеи о возможности «объективной истины» в антропологии, вопрос вызывает и прибавочная стоимость труда исследователя в таком фактологическом изложении. Я убеждена, что продукт труда антрополога должен содержать что-то большее, чем слова самих информантов и информацию из «Википедии», видео путешественников и журналистских репортажей, которые сегодня можно найти практически на любую тему. А иначе почему при всем имеющемся разнообразии нужно читать именно антрополога? В чем состоит его экспертность?

Антропологические работы для меня — это документально-аналитическая литература, поэтому и разговоры о допустимой метафоричности и популярности стиля в противовес «научной точности» кажутся мне странными. Ценность антропологической работы заключается во внимательном описании и оригинальной интерпретации. И в производстве такого текста все средства хороши: и истории от первого лица, и метафоры, и прочие средства выразительности, если они помогают лучше представить свои наблюдения и аналитические ходы. Как и всегда, главное баланс. Чрезмерное использование тропа ведет к тому, что он не помогает передать задуманное, но, напротив, начинает отвлекать, смещая акцент с основного тезиса.

Интуитивно как одно из отличий между «новым» и «старым» стилем русскоязычного академического письма я считаю использование авторского местоимения «я» вместо прежнего «мы». Когда авторы неколлективной статьи используют «мы», говоря о собственных действиях, тезисах и выводах и не подразумевая при этом приглашение читателя к совместному размышлению, я воспринимаю это как инерцию прежней академической традиции и знак принадлежности к определенной «школе». Когда я училась на филологическом факультете, все мои тексты были написаны через «мы» — так меня учили. Однако с поступлением на факультет антропологии я быстро переняла более субъектное, а значит более рефлексивное письмо.

За, казалось бы, малозначительным переходом от «мы» к «я» можно рассмотреть разные способы социальной организации науки. Местоимение множественного числа заявляет, что за текстом стоит научная школа, исследовательский коллектив, факультет, и имплицитно будто бы предполагает, что наука — дело общее (как минимум автора и его научного руководителя). Антрополог же, напротив, должен быть оригинально мыслящей автономной личностью.

С одной стороны, за антропологическим «я» и рассказами о собственных чувствах, действиях, злключениях автора, приветствующимися в современных антропологических текстах, стоят конкретные политэкономические условия, подталкивающие к индивидуализации: дефицит рабочих мест и глобальное перепроизводство научных кадров в области социогуманитарных наук, рождающие высокую конкуренцию среди специалистов. Как кажется, собственная оригинальность мыслей и субъектность, выраженная через «я»-высказывания, становятся важным средством борьбы в заданных условиях: изобретательное «я» в тексте позволяет надеяться, что «я» в реальности заметят среди других и пригласят на работу.

С другой стороны, за выбором местоимения легко обнаружить указание на конкретный исследовательский метод. Наиболее привилегированным для антропологического исследования, как кажется, остается включенное наблюдение, а оно по природе своей субъективно. При этом антропологи часто предпочитают проводить наблюдение в одиночку, а не в экспедициях (как, например, филологи-фольклористы или социологи). В конце концов именно одиночная полевая работа требуется для получения квалификации «антрополог» в научной институции.

Вероятно, находясь под воздействием обозначенных причин, в антропологических текстах я сама всегда жду личного взгляда автора и следов его субъектности. Хочется понять, кто, как и что наблюдал и что нового вынес из этих наблюдений. При этом главным героем антропологических текстов для меня остается Другой, которого изучают, а личность антрополога нужна в тексте постольку, поскольку позволяет об этом Другом рассказать что-то оригинальное. Вместе с тем не стоит бояться обобщений и выхода на уровень абстракции, прячась за бесчисленными «я думаю», «на мой взгляд», «я предполагаю» и пр. (проблема, знакомая и мне). Умение обобщить и отступить от описываемого явления на пару шагов дальше — столь же необходимый навык антрополога, как и внимательность к личному опыту.

3

Я считаю, что язык живой, и абсолютно нормально использовать иноязычные слова. Упорное избегание англицизмов мне

видится излишним пуризмом. Стремление сделать обыденную и научную речь более понятной — дело благородное. Но не ведет ли игнорирование уже вошедших в научный оборот иноязычных терминов (по типу перечисленных в вопросе анкеты) к опасному изоляционизму российских ученых? Использование терминов позволяет ученым вступить в диалог с уже существующими работами, поэтому ничего плохого в проникновении в тексты «чужеродных элементов» я не вижу. Современный русский язык и так состоит из огромного количества когда-то заимствованных слов. Нормы меняются постоянно. Какую именно версию «правильного» русского языка стоит отстаивать и зачем?

5

Как я писала ранее, мое бакалаврское образование — филологическое. Соответственно курсы академического письма у меня были, как и обязанность много читать и производить тексты, что позволило набить руку и не то чтобы понять, но неосознанно усвоить, как они пишутся. Наш круг чтения («по работе» и «для души») неизбежно определяет, как мы пишем, хотим мы того или нет. Я помню, как после перевеса в чтении англоязычных политологических работ по теме, которой я занимаюсь (об «уличной бюрократии») я неожиданно для себя стала писать еще более громоздко, чем обычно, но, что главное, мне стало скучно перечитывать написанное. Хорошо, что я мало-помалу читала и художественную литературу, и журналистские статьи, и, конечно, работы антропологов. В первую очередь я вспоминаю, как меня восхитил стиль письма Дэвида Гребера и Джеймса Фергюсона: насыщенный аналитическими ходами, политическими подтекстами и этнографическими зарисовками, живой и остроумный. Хочется надеяться, что когда-то и я стану писать так же увлекательно.

Мои рассуждения несколько поверхностны, но я предполагаю, что сейчас антропологам становится проще писать про собственное «я», поскольку уже привычен жанр заметок в телеграм-каналах, которые теперь имеются у большинства исследователей, — еще один способ заявить о себе в условиях высокой конкуренции. Телеграм-каналы (наследники Facebook¹ и «Живого Журнала»? Или потомки журналистских колонок?) нормализуют рассказы антропологов не только о Другом, но и о собственных переживаниях, делают их самоценными для публикации, просмотров и комментариев аудитории и ее «реакций». На мой взгляд, распространение этого жанра медиакommunikации наравне с ростом популярности автофикшен-литературы, активно переводимой и издаваемой сегодня,

¹ Принадлежит компании Meta, признанной в РФ экстремистской.

должно так или иначе повлиять и на более формальные публикации в научных журналах и монографиях. Возможно, в скором времени рассказы о приключениях авторского «я» и его/ее чувствах в «научных» антропологических работах станут абсолютной нормой. Тем интереснее.

СТЕПАН КАЛИНИН

1 По-хорошему, для того чтобы ответить на первый вопрос, нужно провести стилометрическое исследование, собрав представительный материал научных работ за определенные временные интервалы из какого-либо большого корпуса (для русского языка таким может быть Национальный корпус русского языка) и выявив основные стилистические маркеры и инварианты, присущие той или иной эпохе. В противном случае наш ответ на вопрос о «нормальном стиле» рискует остаться спекулятивным.

Если же рассуждать неформально, то главное отличие мне видится даже не столько в области языка, стиля и т.д. Главное отличие я вижу прежде всего на уровне тематики: лингвисты прошедших эпох (под этим выражением здесь я подразумеваю период с конца XIX в. приблизительно до 1970–1980-х гг.) не боялись глобальных тем и задач. Сейчас же для многих лингвистических исследований характерно мелкотемье (или же решение какой-то очень локальной и узкой задачи). Это нередко, к сожалению, подкрепляется и поощряется действующей публикационной политикой, когда охотнее принимаются статьи, грубо говоря, посвященные изучению одной морфемы (при этом не всегда понятно, для чего и зачем именно эту морфему нужно изучать, как эта морфема связана с другими фактами языка и что это даст для лингвистической теории в целом). Может быть, я ошибаюсь, но создается впечатление, что представители «старой школы» не боялись работать над масштабными и глобальными темами. Опять же, возможно, это субъективное восприятие, но представляется почему-то, что сейчас работы Дж. Грин-

берга по классификации африканских языков или исследования Э. Сепира по четырем языковым макросемьям Северной Америки вряд ли приняли бы в какой-то из журналов (или приняли бы с очень большим скрипом). Точно так же в настоящее время работы В.М. Иллича-Свитыча по ностратической теории вряд ли были бы приняты в какой-либо из мейнстримных лингвистических журналов (особенно если учитывать довольно прохладное отношение к теориям глубокого родства языков в западной лингвистической науке, см., например: [Hock, Joseph 2009: 464–466; Stachowski 2011: 264–266]).

Не могу согласиться с мнением редколлегии, что «многие работы, написанные 120 лет назад, кажутся нам слишком обезличенными и затянутыми, перегруженными ненужными рассуждениями». Напротив, у значительной части языковедов указанного временного периода был собственный индивидуальный стиль: достаточно трудно перепутать стиль Бодуэна де Куртенэ и Пешковского, Виноградова и Зализняка.

Обезличенность текстов, по моим наблюдениям, проявляется именно сейчас, в эпоху стандартизации формы и содержания научных работ. Конечно, в стандартизации *per se* ничего плохого нет, равно как и нет ничего плохого в использовании структуры IMRAD при написании научных статей. Проблема, на мой взгляд, заключается в глобальной перестройке мировой науки по американским лекалам (что зачастую идет в ущерб как национальным научным традициям, так и национальному языку). Именно это служит причиной того, почему многие написанные по-русски тексты выглядят словно перевод с английского (что было справедливо подмечено редколлекцией).

Само собой, между научно-языковедческими текстами, созданными в разные эпохи, будут отличия на уровне и лексики (в каких-то текстах, очевидно, будет больше советизмов, в каких-то — больше англицизмов), и справочного аппарата (пресловутые цитаты из Маркса, Энгельса и Ленина в работах советского периода), и даже в какой-то мере на грамматическом, поскольку и грамматика в микродиахронии все же медленно изменяется. Однако, на мой взгляд, это отличия, лежащие на поверхности, а потому их подмечают даже те носители научного стиля русского языка, которые не являются специалистами-лингвистами (в этом отношении, субъективно, такие отличия менее интересны, чем концептуальная и методологическая основа научных исследований различных исторических периодов).

2

Полагаю, что такие описания хороши, когда они целесообразны. В ином случае жанровое смешение приводит к тому, что, образно говоря, статья остается «ни здесь ни там»: она представляет собой некий (не всегда удачный) жанровый гибрид, в котором

есть что-то от научного / научно-популярного стиля, что-то от мемуаров, что-то от публицистики, а что-то от современной художественной литературы. Есть, несомненно, и удачные примеры личных отступлений в научных трудах: здесь можно привести пример из книги А.П. Дульзона [Дульзон 1968: 21], где автор описывает свой разговор с одной из носительниц кетского языка, замечая при этом, что носители языка в условиях контактов с разноязычным смешанным населением чутко подмечают фонетические и артикуляционные различия. Еще один пример — известная книга Д. Эверетта «Не спи — кругом змеи» [Эверетт 2016], в которой он от своего описания жизни среди индейцев пираха и бытовых зарисовок из нее переходит к обсуждению и анализу достаточно глубоких вопросов языка и культуры.

В использовании местоимения «я» не вижу ничего крамольного (опять же, все хорошо в меру, а мера определяется чувством языка и стиля). Собственно, этот текст и иллюстрирует его использование, ведь здесь пишу преимущественно от первого лица. В этом смысле мои ответы на вопросы «Форума» можно охарактеризовать в каком-то смысле как самореферентный текст. Конечно, русскоязычному научному узусу более свойственно либо безличное изложение, либо использование авторского «мы», но если автор хочет добавить в свой текст личностное начало, то почему бы и нет.

Что же касается подробных «описаний приключений и переживаний исследователя в ходе полевой работы», того, какие чувства и эмоции он при этом испытывал и как он при этом размышлял о невыносимой легкости бытия, полагаю, что это лучше оставить для личного блога, поста в социальной сети, собственных мемуаров или статьи в научно-популярном журнале. Там это будет выглядеть уместно и естественно.

3

Заметим, что далеко не все из приведенных терминов англоязычного происхождения представляют собой исконно английскую лексику. Так, термин «трансфер» в конечном итоге восходит к латинскому глаголу *transfĕro*, *transtŭli*, *translātum*, *transfere* 'переносить', слово «руральность» — к существительному латинского языка *rus*, *ruris* 'деревня', «эссенциализированный» — также от латинского существительного *essentia* 'сущность, бытие', восходящего к глаголу *sum*, *fui*, —, *esse* 'быть'. Итого, некоторые из приведенных англицизмов являются в действительности латинскими заимствованиями в английский язык.

Могу сказать, что все хорошо в меру. Как гласит известная крылатая фраза, *est modus in rebus*. Без иноязычной терминологии в современной научной коммуникации, конечно же, не обойтись. Очевидно, среди таковой могут быть и единицы английского происхождения (например, их достаточно много в ком-

пьютерной лингвистике). В том случае, когда для англоязычного термина не существует аналога на русском языке или на каком-либо из классических языков (а соответствующего понятия также нет в понятийном аппарате дисциплины), заимствование представляется оправданным. При этом важно избегать дублирования терминов и их «размножения» (когда для обозначения одного и того же понятия используется несколько разных терминов), что обусловлено самой лингвистической природой терминологии.

Если рассуждать об альтернативе заимствованиям-англицизмам, можно предложить воспользоваться в качестве источников таковых классическими языками (под ними здесь я понимаю не только латынь и древнегреческий, но и церковнославянский). Во-первых, это укоренено в нашей научной, философской и образовательной традиции (достаточно только упомянуть название Славяно-греко-латинской академии), во-вторых, значительная доля лингвистической терминологии греческого и латинского происхождения представляет собой интернационализмы, что может обеспечивать удобство коммуникации и образования новых терминологических единиц (при необходимости).

Если же автор щеголяет в тексте своей работы или в своем докладе бесконечными «кейсами», «фидбеками», «бэкграундами», «активностями», сопрягает глагол «работать» со всем, чем можно («заимствования работают», «дискурс работает», «семантика работает» и т.п.), то это говорит, на мой взгляд, лишь о том, что данный автор очень хочет продемонстрировать свои знания английского языка (правда, не всегда это выглядит убедительно). В связи с этим уместно привести цитату: «[Я] полагаю, что право научных открытий и обобщений не взято в аренду западноевропейскими учеными, что и в головах русского или польского происхождения могут возникать самостоятельные мысли и что нет ни малейшей надобности быть покорным рабом так называемой “европейской науки” и повторять бессмысленно и без всякой критики заимствованные из нее положения» [Бодуэн де Куртэнэ 1963: 363]. Справедливо это и по отношению к терминологии нашей науки: нет необходимости «бессмысленно и без всякой критики» переносить англоязычный или любой другой термин иноязычного происхождения на нашу почву, если его аналог уже существует¹ или же если его можно выразить средствами собственного языка.

¹ Типичным примером такого термина является «дискурс», который стал использоваться для наименования разнородных явлений [Дубровская 2019: 10]. Так, зачастую в некоторых исследованиях категории «текст» и «дискурс» просто приравниваются или же смешиваются [Дубровская 2019: 11–12]. Добавлю, что «дискурс» нередко выступает и как синоним для ряда других уже устоявшихся терминов: процесс порождения речи, речевой акт, высказывание, жанр / речевой жанр и т.д.

4

Думаю, что в области языкознания популярность изложения определяется во многом тематикой того или иного исследования. Так, исходя из опыта и наблюдений, могу сказать, что такие темы, как история языка, его происхождение и эволюция, история слов, ономастика, неизменно привлекают внимание широкой аудитории. Причина здесь очевидна — всем или почти всем людям интересно, откуда взялся их язык, как он развивался, что изначально значило то или иное слово и т.д. Есть и более узкоспециализированные темы, которые могут быть не столь интересными широкой публике (например, какие-нибудь исследования в области формальных теорий синтаксиса). Полагаю, однако, что при желании, умении и таланте популяризатора вполне возможно доступно изложить и их для аудитории неспециалистов.

5

Не могу сказать, что какие-то специальные курсы или социальный опыт повлияли на формирование моего стиля. Само получается. Хотя должен поблагодарить тех, кто редактировал и редактирует мои тексты, ведь всегда важен взгляд со стороны и он позволяет их существенно улучшить (избавившись в том числе от тех недостатков, которые упоминаются в вопросах, — повторов, длинных периодов, канцелярита).

Что же касается тех работ, которые просто нравится читать из-за формы, а не только из-за содержания, то могу отметить здесь две книги нашего известного слависта В.К. Журавлева «Внешние и внутренние факторы языковой эволюции» [Журавлев 2019] и «Занимательные диалоги о языкознании» [Журавлев 2018]. Несмотря на то что они отличаются друг от друга по жанру (первая — научная, вторая — в большей степени научно-популярная), обе отличаются легкостью и, я бы сказал, изяществом в изложении достаточно нетривиальных вещей. Так, в «Занимательных диалогах о языкознании» уже на первых страницах вводится и рассматривается понятие фонемы. Причем в этой же книге В.К. Журавлев возрождает форму изложения основных идей, методов и проблем науки о языке в виде эвристического диалога (что в конечном счете можно возвести к сократической традиции). На мой взгляд, последняя книга — удачный пример того, как может популярное изложение сочетаться с необходимым научным уровнем строгости. Кроме того, сами книги ценны тем, что в них приводится большое количество примеров на каждое из описываемых языковых явлений (иногда довольно редких и малоизвестных).

Нравится еще стиль работ А.Ф. Лосева, в частности его лингвистических исследований. К слову, в предисловии к его книге «Введение в общую теорию языковых моделей» можно найти не только ценные рассуждения о математических моделях

в языкознании, но и хороший пример изложения материала от первого лица с использованием местоимения «я» (см.: [Лосев 2004: 4, 7–8]). Если говорить о работах зарубежных исследователей, то понравился стиль книги Г. Дойчера «Сквозь зеркало языка». Я ее читал, правда, в русском переводе [Дойчер 2016], но интересно было и заглядывать периодически в оригинальный текст, сравнивая, как то или иное место передано на русском языке. Иногда, конечно, автор перегибает палку (называя, в частности, Б.Л. Уорфа «аферистом» или намекая на след «позорной интеллектуальной истории», который, мол, тянется за гипотезой лингвистической относительности, см.: [Дойчер 2016: 32–33]). Но в целом книга читается очень легко и увлекательно (притом что автор соблюдает требуемый уровень строгости изложения), содержит ряд важных сведений из истории лингвистики, в частности историю возникновения и развития гипотезы Сепира-Уорфа, и просто любопытные и нетривиальные языковые факты. Ее вполне можно рекомендовать начинающим исследователям (студентам или аспирантам), желающим более глубоко погрузиться в проблематику лингвистической относительности и взаимосвязи языка и мышления.

Библиография

- Бодуэн де Куртене И.А. О смешанном характере всех языков // Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1. С. 362–372.
- Дойчер Г. Сквозь зеркало языка: почему на других языках мир выглядит иначе / Пер. с англ. Н.Ю. Жуковой. М.: АСТ, 2016. 382 с.
- Дубровская Т.В. «А был ли метод?»: о принципах и категориях современного дискурс-анализа // Дубровская Т.В. (ред.). Современные направления в лингвистике и преподавании языков: проблема метода: сб. науч. статей по материалам III Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. Пенза: Изд-во Пензенского гос. ун-та, 2019. Т. 1. С. 9–15.
- Дульзон А.П. Кетский язык. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1968. 636 с.
- Журавлев В.К. Занимательные диалоги о языкознании. М.: Ленанд, 2018. 208 с.
- Журавлев В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции / Отв. ред. Ю.Д. Дешериев. М.: Либроком, 2019. 336 с.
- Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей / Под ред. И.А. Вавиленко. 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2004. 296 с.
- Эверетт Д.Л. Не спи — кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей: Пер. с англ. / Сост. А.Д. Кошелев. М.: ИД ЯСК, 2016. 384 с.
- Hock H.H., Joseph B.D. Language History, Language Change, and Language Relationship: An Introduction to Historical and Comparative Linguistics. 2nd rev. ed. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2009. 588+XVIII p.
- Stachowski M. Teoria nostratyczna i szkoła moskiewska // LingVaria. 2011. No. 11. P. 241–274.

НАТАЛЬЯ КОВАЛЕВА

Как-то раз мой научный руководитель обмолвился, что мой текст читается так, будто написан по-русски английскими словами. В качестве пояснения он вручил мне статью Ричарда Андерсона “Look at All Those Nouns in a Row!” («Взгляните на все эти существительные в ряд!») [Anderson 1996], в которой утверждалось, что общеупотребительный язык отражает распределение власти в обществе (спасибо Фуко) и изменяется вместе с трансформациями политического режима. Будучи политологом, Андерсон не описал механизм, стоящий за переплетением синтаксиса и политики, но он был абсолютно прав в своих наблюдениях: построение длинных цепочек существительных было ключевой особенностью того, что когда-то называли «деревянным советским языком». Вереницами существительных до сих пор изобилует русскоязычный общественный дискурс. На днях произвольный переход по новостной ссылке принес мне следующее: «Для мониторинга интернет-ресурсов на предмет соблюдения требований законодательства о защите персональных данных (ПД) Роскомнадзор использует автоматизированную систему <...> В мае 2021 года было заявлено о начале создания системы мониторинга нарушений в этой сфере» [Сидоров 2025] (здесь и далее курсив мой). В ходе такого же выборочного просмотра научного журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология» обнаружились похожие тяжеловесные конструкции: «Трактовка большевизма как версии русского империализма стала едва ли не мейнстримом в советологии <...> [В]опросы управления многонациональным населением без опоры на кадры на местах решать невозможно» [Малахов, Летняков 2024: 487, 490].

Носители германских языков, например английского, предпочитают глаголоцентричные пропозиции и часто теряются в системе координат, построенной вокруг объектов,

а не действий. Ряды существительных представляют ситуацию как установившуюся, постоянную, заданную. Такое изображение «фиксирует» мир, опуская идею о том, что все пребывает в постоянном движении. Другая вечно больная тема — пассивный залог — усиливает это ощущение объективности. На этот счет в русском языке есть из каких безличных вариантов выбрать: «как известно», «считается», «полагают» и т.п.

Помня об упомянутых различиях, я научилась соответствующим образом редактировать грамматику своих текстов: уничтожать большинство пассивных конструкций и разбивать «каменные стены» существительных в ряд. Однако чем больше я перемещалась между российским и американским академическими сообществами, тем больше убеждалась, что, вспоминая фразу известного психолингвиста Татьяны Владимировны Черниговской, «делать науку в отдельно взятой стране» невозможно. Иными словами, контрпродуктивно настаивать на уникальном национальном способе проведения исследований (и их презентации), так как целью науки, независимо от ее местонахождения, является приумножение знания. А поскольку последнее осуществляется общими усилиями, ученые должны стремиться к взаимопониманию.

Помещая приведенный в начале случай в центр своей реплики, я поделюсь мыслями о письме в разных дисциплинах и академических культурах и отвечу на отдельные вопросы анкеты. Как я понимаю, в первом вопросе подразумевается следующее: а) какие функции имеет академическое письмо (стиль), б) почему и как оно изменяется и в) кто следит за преемственностью и изменениями стиля научного письма.

Функции академического стиля письма

Я принадлежу к лагерю исследователей, которые считают, что риторика является эпистемической, или, говоря более смело, верят в то, что стиль письма неотделим от процесса познания. Поскольку научное письмо вшито в процесс производства знания, его цель — продвижение идей и приспособливание их для людей, как и подготовка реципиентов к этим идеям, а не выражение самобытности их автора. Более того, научная работа не происходит в вакууме, но встраивается в уже существующую дискуссию, в которую она делает свой вклад и которую уточняет и детализирует. Из таких обсуждений и полемик и рождается то, что признается знанием. Более того, поскольку наши исследовательские методы несовершенны и не позволяют достичь «абсолютной» истины, честная научная работа всегда признает возможность альтернативного объяснения или существования фактов, которые предложенная объяснительная

рамка не учитывает или пока не может учесть. Следовательно, утверждения ученых условны по определению, и степень неопределенности, необходимая для обозначения этой условности, достигается риторически.

Случай, с которого я начала эту реплику, предполагает, что русско- и англоязычные подходы к производству знания значительно отличаются друг от друга: первый стремится к наименованию объектов, существующих в мире, тогда как последний демонстрирует разворачивающуюся в этом мире драму и пытается отследить, кто что в нем делает. Сближают эти два подхода общая цель производства знания и необходимость дополнять корпус утверждений, считающийся среди коллег-ученых современным знанием. Из этого противопоставления подходов также следует, что может существовать более одного типа знания (подробнее об этом далее).

Контроль доступа к знанию и качества знания

Чтобы упорядочить процесс производства научного знания и обеспечить всеобщее соблюдение стандартов качества этого знания, академические сообщества выработали ряд принципов, которыми они руководствуются. В их числе фактологический анализ, нейтральность (понимаемая как свобода от предвзятости или от эго исследователя), научная честность (признание заслуг других исследователей), ясность и доходчивость структуры (необходимая для того, чтобы текст был понятен), точность и недвусмысленность формулировок. Приверженность этим принципам проявляет себя в действии и требует некоторых усилий. Например, ясность достижима *только* при обращении к аудитории (будь то рецензент, редактор или какой-либо читатель). Невозможно определить, понятно ли написан текст, если не прочесть его буквально другими глазами. Сделать текст менее двусмысленным тоже непростая задача, учитывая, что обыденный язык пронизан неточностями. Здесь уместно вспомнить попытки аналитических философов начала XX в. (например, Витгенштейна, Фреге, Рассела, Карнапа, Остина и некоторых других) выработать научный язык, который мог бы обеспечить строгость аргументации. До сих пор универсальный научный язык так и не появился, хотя написание учебников по академическому письму в рамках разных дисциплин стало по-настоящему популярным занятием.

Между тем, несмотря на то что наблюдать такие ценности научных сообществ, как объективность, достоверность, прозрачность и др., в целом не так просто, некоторые из них, так сказать, лежат на поверхности, а именно в библиографии / списке цитируемых работ, который есть в каждой научной публикации.

Обратимся в качестве иллюстрации к трем разным стилям цитирования одной книги:

1. Bass, Len, Paul Clements, and Rick Kazman. *Software Architecture in Practice*. Addison-Wesley Professional, 2021.
2. Bass, L., Clements, P., & Kazman, R. (2021). *Software architecture in practice*. Addison-Wesley Professional.
3. [1] L. Bass, P. Clements, and R. Kazman, *Software Architecture in Practice*. Boston, MA, USA: Addison-Wesley, 2021.

Здесь несколько элементов решительно указывают на приоритеты исследователей в трех разных областях. Только в первом способе цитирования используются полные имена, намекая, что область исследования популярна среди ученых и имеет долгую историю, так что одних инициалов может быть недостаточно, чтобы различить однофамильцев, внесших свой вклад в дискуссии, длящиеся десятки лет (если не века). Только во втором способе дата публикации помещена в начале, указывая тем самым на значимость новизны в быстроразвивающемся поле. Только в третьем используется нумерованный список с идентификационным номером, который должен появиться во внутритекстовых цитатах — на первый план выходят идеи и возможность беглого просмотра текста. Рассматриваемые тут стили цитирования — это MLA, ALA и IEEE. Первый популярен в гуманитарных науках (например, литературной критике, религиоведении и философии), второй — в социальных (например, политологии, психологии, социологии), исследованиях бизнеса и медицинских науках, а третий, соответственно, в технической и IT-сфере и информатике. Таким образом, детали пунктуации, вид ссылок и прочие «утомительные» формальности, которые обычно раздражают начинающих исследователей, на самом деле емко воплощают в себе внутреннюю логику конкретной дисциплины, определенные методы, с помощью которых дисциплины поддерживают свою индивидуальность, способы видения мира и производства знания о нем.

Впрочем, порой редакторы настаивают на таком использовании языка, для которого нет соответствующего правила в руководстве по стилю, применяемом в их издательстве. Один из таких примеров — пассивный залог. Хотя ни одно руководство по стилю никогда и не рекомендовало его использование, и не возбраняло его, мы научены опытом, что редакторы в области гуманитарных наук (и преподаватели английского языка) безжалостно вычищают пассивный залог, в то время как редакторы в области технических и естественных наук относятся к нему более терпимо. Причина этих различий, вероятно, отсылает к вопросу «объективности»: естественно-математические науки

стремятся рассказать о мире и не склонны к обозначению конкретного лица, действующего в ситуации (или иногда не способны найти подходящую фигуру для этой роли); гуманитарные и социальные науки, в свою очередь, ясно обозначают участников драмы, которую описывает предложение.

Когда я дописывала параграф о руководствах по стилю, я столкнулась с еще одной любопытной вещью, проливающей свет на конвенции академического письма. А именно: я решила проверить требования составителей «Форума», касающиеся предельного количества слов, чтобы оценить степень будущей правки для моей разрастающейся реплики. И конечно же, их я нигде не нашла. Взамен я обнаружила ограничение по количеству страниц (не больше 10), рекомендованный размер шрифта (12 кегль Times New Roman) и межстрочного интервала (1,5), стандартизирующие присылаемые в журнал ответы. Это расхождение в системе измерений (ограничение количества слов vs. страниц vs. символов с пробелами или без них) так прочно установилось, что иногда я задумываюсь, когда же в таблицу мер и весов, помогающую разобраться с фунтами, ярдами, акрами, сантиметрами, унциями, килограммами и галлонами, официально включают печатный жаргон. Обычно американские журналы указывают допустимую длину научных статей от 6000 до 8000 слов, комментариев и реплик — от 3000 до 4000 слов, рецензий на книги — 1000 слов максимум. Зная, что в среднем страница, написанная двенадцатым кеглем Times New Roman с двойным интервалом, вмещает в себя около 250 английских слов, я пришла к выводу, что должна ограничить реплику примерно 3000 словами, по нижнему пределу среднего комментария, чтобы не превысить лимит на количество страниц.

Ограничения в количестве слов для разных жанров научного письма подводят меня к разговору о роли, которую играют научные журналы в поддержании стиля или стилей академического письма и к дисциплинарным различиям в исследовательской отчетности как основному источнику стилей. Ни один журнал целиком не посвящен научным статьям, поскольку у его читателей довольно широкий спектр потребностей, которые необходимо удовлетворить. Например, русскоязычные журналы иногда публикуют обзоры научных конференций, своего рода академические новости. В других источниках можно встретить приглашения представить доклады или научные статьи (Call for papers) и программы конференций, но не репортажи о секциях и обзоры научных мероприятий, если, конечно, не разгорается какой-то скандал, который заслуживает внимания всего академического сообщества. Можно предположить, что обзоры конференций помогают ученым, не имеющим возможности лично присутствовать на мероприятии, оставаться

на связи с коллегами и быть в курсе новейших разработок в области. Вероятно, сокращение финансирования командировок в российских университетах породило практику посылать на конференции одного представителя, чтобы получить краткие сведения о докладах. И конечно, подобные сообщения стилистически находятся в разной весовой категории с научными статьями, основным содержанием любого академического журнала.

Изменения в стиле

Принимая во внимание приведенные выше тезисы о том, что риторика является эпистемической и язык отражает конфигурации авторитета и власти, я не могу не сказать об изменениях научного стиля, которые отражают идеи Томаса Куна о смене парадигм [Kuhn 1997 (1962)]. Последнее случается периодически и знаменует собой фундаментальные изменения в способах концептуализации и методологии. Согласно Куну, научное мировоззрение претерпело множество революций, т.е. резких изменений, например когда квантовая механика сместила классическую, когда были признаны химические основы происхождения жизни, когда Дарвин представил свою теорию эволюции и естественного отбора, когда окончательно была признана связь между болезнями и микробами, когда Лавуазье развенчал теорию флогистона и предложил собственную теорию горения, если вспомнить лишь несколько наиболее значительных изменений.

Когда дело касается социальных и гуманитарных наук, то картезианская методология, основание современной науки, постоянно ставилась под вопрос учеными, стремившимися к более всеобъемлющему подходу к производству знания и, как следствие, к иному способу научного письма. В качестве примеров здесь можно вспомнить исследовательский / творческий подход канадских антропологов [Manning, Massumi 2014; Loveless 2019; Springgay, Truman 2019]; сенсорную этнографию в книгах “Hearing and the Hospital” [Rice 2013], “The Perception of the Environment” [Ingold 2022] или “Sound and Sentiment: Birds, Weeping, Poetics, and Song in Kaluli Expression” [Feld 2012]; работы Донны Харауэй [Haraway 1988; 1991; 2010; 2015] и Сары Ахмед [Ahmed 2004; 2006; 2020], для которых особенно важна идея о том, что пережитый опыт формирует способ восприятия; тексты Кэтлин Стюарт [Stewart 2007], Майкла Тауссига [Taussig 2013] и Жуана Биеля [Biehl 2005], каждый из которых использовал поэтический стиль, сочетающий художественность и повествовательность, чтобы уловить аффективный опыт; смешение критики и личного повествования в книгах “The Vulnerable Observer” Рут Бехар [Behar 1996] и “Native American DNA” Ким

Толлбер [TallBear 2013]. Кажется, этот список пополняется ежедневно. Упомянутые ученые расширяют как саму область того, что мы изучаем, так и наши возможности создания знания об этом. Так что, прежде чем исключать подобные «девиации» из конвенциональных форм письма и нарекать описания личного опыта и проявления исследовательского «я» стилистическими шумами, необходимо доказать, что все, что кажется нарушением правил, на самом деле лишь декоративный элемент и не имеет эпистемического значения.

Является ли научной революцией нынешнее разочарование в позитивизме и его акценте на объективности и количественной оценке — вопрос спорный. Не вызывает сомнений, что антипозитивистские трансформации подразумевают сдвиг во властных отношениях. Возможно, он не столь грандиозен, как смерть метанарративов во время рассвета постмодернистской мысли, но все еще создает множество разногласий. Иногда эти разногласия возникают из-за расхождений в концептуальных схемах (и связанных с ними терминах), использующихся в разных местах, как, например, слово / понятие «руральность» (rurality), которое употребляется в английском языке с начала XVIII в. и которое кажется заносчиво неуместным, когда его заимствуют и вставляют в русский текст.

Популизм и метафоры в науке

С той точки зрения, которая лучше всего выражена в пословице «Знание — сила», борьбу за простой язык научных исследований можно назвать демократизирующим зарядом, толкающим башню из слоновой кости к тому, чтобы сделать знание более доступным и открытым для альтернативных способов познания мира. Однако сегодня на академию оказывается дополнительное давление извне, необязательно связанное с идеей доступности знания, но однозначно имеющее политический подтекст и по сегодняшним меркам выглядящее популистским.

На кампусах американских университетов чуть ли не физически ощущается давление, заставляющее ученых обосновывать свою деятельность, чтобы получать государственное финансирование. Университеты обязаны создавать больше научных исследований, доступных широкой публике, измерять продуктивность ученых, производить быстрое и применимое на практике (а также передовое) знание, участвовать в публичном диалоге на популярных платформах социальных сетей и, как результат, привлекать новых спонсоров и студентов. Примечательно, что во всех этих ситуациях ученые должны взаимодействовать с людьми, не являющимися специалистами в их области, и ос-

ваивать такие стили и жанры письма (например, блоги или подкасты), которые выходят за рамки того, что ожидалось от них всего несколько лет назад.

В совокупности написание заявок на гранты, исследования, ориентированные на широкую публику, и свежие методологические приемы адресованы новой аудитории и могут создать впечатление, что наука тонет в трясине популизма. Но лучше ли ей оставаться элитарной? И если так, то по какой причине? На мой взгляд, расширение дискуссии, приглашение и учтывание точек зрения и опыта, которые прежде игнорировались, а теперь могут обогатить наше понимание мира, — это несомненное преимущество.

В заключение мне хотелось бы вернуть метафорам их статус когнитивных инструментов и средств производства знания, а не декоративных элементов, от которых можно отказаться без особого ущерба для авторских идей. Эстетический способ интерпретации метафор и других фигур речи преследует нас с начальной школы, где мы усвоили, что такие стилистические приемы делают нашу речь выразительнее и живее. К сожалению, данное отношение к метафорам приводит к умозаключению, что мир возможно описать без помощи образов, сравнений и, очевидно, аналогий, просто используя прямые точные формулировки, подходящие для славного научного предприятия. Хотелось бы посмотреть на попытки начинающего пуриста доходчиво и без метафор объяснить такие понятия, феномены и процессы, как *grassroot movement* (низовое движение), социальный (или культурный) капитал, информационные пузыри в медийном пространстве, институциональный гейткипинг, эмоциональный багаж, когнитивная нагрузка, облачные вычисления, компьютерный вирус, парниковый эффект, тектонические плиты, не говоря уже о железном занавесе. Подобные понятия (все — устоявшиеся) свидетельствуют о том, что чем пристальнее мы смотрим на язык разных научных дисциплин, тем отчетливее видим, что ученые часто имеют дело с объектами, феноменами или процессами, название для которых пока отсутствует, и стандартный ход — использовать аналогии, которые позволили бы позаимствовать понятийную карту и вокабуляр из знакомой среды, чтобы описать конфигурацию элементов в новой области. Благодаря такому переносу, например, программа, которая обучает наши электронные устройства выполнять набор действий, наносящих ущерб изначальной функциональности последних, была названа компьютерным *вирусом*, по аналогии с «инфекциями» в области медицины, которые «учат» ДНК хозяина работать ненормально, вызывая болезни или приводя к еще более серьезным последствиям.

Значит ли все это, что научные статьи можно писать стихами? Поэзия действительно извлекает из мира смыслы, и научные журналы в самом деле публикуют работы, использующие качественный анализ и написанные в поэтической форме. Кажется, что граница здесь вновь пролегает между конечной целью создать новое знание и отсутствием этой цели. Метафоры не затуманивают ясность, но умеют хорошо прятать и, пожалуй, делают это даже лучше, чем раскрывают что-либо. Обращаясь к метафорам, необходимо четко понимать, что именно они помогают нам увидеть и насколько это новое, улучшенное с помощью метафоры видение совершенствует существующее знание.

Библиография

- Малахов В.С., Летняков Д.Э. (Пере)осмысляя советский проект // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40. Вып. 3. С. 486–498. doi: 10.21638/spbu17.2024.310.
- Сидоров А. В девяти из десяти случаев система срабатывает верно // Известия. 2025, 30 июня. <<https://iz.ru/1911609/aleksandr-sidorov/v-devati-iz-desati-slucaev-sistema-srabytyvaet-verno>>.
- Ahmed S. The Cultural Politics of Emotion. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004. 256 p.
- Ahmed S. Queer Phenomenology: Orientations, Objects, Others. Durham, NC: Duke University Press, 2006. 223 p.
- Ahmed S. Strange Encounters: Embodied Others in Post-coloniality. London: Routledge, 2020. 212 p.
- Anderson R.D., Jr. “Look at All Those Nouns in a Row” — Authoritarianism, Democracy, and the Iconicity of Political Russian // Political Communication. 1996. Vol. 13. No. 2. P. 145–164.
- Behar R. The Vulnerable Observer: Anthropology That Breaks Your Heart. Boston, MA: Beacon Press, 1996. 195 p.
- Biehl J.G. Vita: Life in a Zone of Social Abandonment. Berkeley, CA: University of California Press, 2005. 440 p.
- Feld S. Sound and Sentiment: Birds, Weeping, Poetics, and Song in Kaluli Expression. 3rd ed. Durham, NC: Duke University Press, 2012. 300 p.
- Haraway D. Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective // Feminist Studies. 1988. Vol. 14. No. 3. P. 575–599.
- Haraway D. Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature. New York: Routledge, 1991. 287 p.
- Haraway D. When Species Meet: Staying with the Trouble // Environment and Planning D: Society and Space. 2010. Vol. 28. No. 1. P. 53–55.
- Haraway D. Anthropocene, Capitalocene, Plantationocene, Chthulucene: Making Kin // Environmental Humanities. 2015. Vol. 6. No. 1. P. 159–165.
- Ingold T. The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill. London: Routledge, 2022. 602 p.

- Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions [1962]. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1997. 217 p.
- Loveless N. How to Make Art at the End of the World: A Manifesto for Research-Creation. Durham, NC: Duke University Press, 2019. 176 p.
- Manning E., Massumi B. Thought in the Act: Passages in the Ecology of Experience. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2014. 187 p.
- Rice T. Hearing and the Hospital: Sound, Listening, Knowledge and Experience. Canon Pyon: Sean Kingston Publishing, 2013. 204 p.
- Springgay S., Truman S.E. Walking Methodologies in a More-Than-Human World. London: Routledge, 2019. 163 p.
- Stewart K. Ordinary Affects. Durham, NC: Duke University Press, 2007. 133 p.
- TallBear K. Native American DNA: Tribal Belonging and the False Promise of Genetic Science. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2013. 252 p.
- Taussig M. The Magic of the State. New York: Routledge, 2013. 206 p.

Пер. с англ. Александры Захаровой

ГЕОРГИЙ ЛЕВИНТОН

1

На первый вопрос я ответить не могу, я в некоторых отношениях отстал от сегодняшней моды — по разным причинам: отчасти меньше времени могу уделить чтению, отчасти предпочитаю более старые стилистические тенденции и научные методы. В конце концов для меня актуальной парадигмой является структурализм, а то, что после него (в большинстве случаев) — от лукавого. Поэтому не считаю себя компетентным. Могу только сказать, что в молодости у меня был отчетливый и вроде бы узнаваемый стиль (впрочем, одной из его черт был апостериорный «лозунг» «Ни одной работы без ляпа», хотя исключения, кажется, были). Поэтому я любил ловить чужие ляпы (жанр рецензии). Однажды я написал заметку для «Русской литературы». Мой друг, который ее туда пристраивал, удивился и назвал ее «бесстилевой» — я действительно пытался писать «попроще» (внутренняя цензура)¹.

Георгий Ахиллович Левинтон
Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
levinton@eu.spb.ru

¹ См.: [Левинтон 1991]. Статью долго перекидывали из номера в номер и в конце концов выпустили с опечаткой, имеющей прямое отношение к академическому стилю. Моя статья была ответом на чужую работу, и я начал: «В недавней весьма своевременной статье...» «Своевременной» превратилось в «современной» — слово, которого я в этом контексте никогда бы не мог

2

Подлинным возвращением субъекта был бы антрополог, съеденный информантами. Не знаю, были ли в XXI в. такие случаи. Сама же проблема субъективности двоякая. На идеологическом уровне я решительно не готов принять «субъективизм» как научный метод. Метод этот глубоко антинаучен, ссылки на естественные науки представляют собой типичные ложные аналогии. Когда-то В.В. Колесов в курсе по диахронической фонологии (в те годы, когда он считался восходящей звездой филфака) сказал (и было ясно, что это импровизация, что он впервые это придумал), что иностранные термины в русской речи напоминают ярлыки, срезанные с аутентичной (=иностранной) одежды и пришитые на домодельные вещи. *Mutatis mutandis* — могу повторить это применительно к ссылкам на наблюдателя в теории относительности (хотя к Колесову стал с тех пор относиться значительно хуже). Все-таки прав Зализняк (как раз оппонент Колесова в вопросах акцентологии). И «истина есть». По другим правилам просто неинтересно играть. Стилистически же субъективность в последние десятилетия торжествует, и прежде всего в местоимении первого лица единственного числа. В научном слого старших поколений оно казалось невыносимым. Были ученые, которые избегали даже «мы», заменяя его описательными конструкциями вроде «автор этих строк» (мне кажется, что очень последователен в этом был В.Н. Топоров). Однако я запомнил из моей юности (чтение перед вступительными экзаменами в университет) пример откровенного «я» (кажется, всего один раз): «А я уверен, что...» — в книге Г.А. Гуковского «Реализм Гоголя». Но это неоконченная книга и, может быть, след лекционного пассажа? Я сам стал употреблять «я», когда оскормился — с точки зрения моих собственных академических стандартов — и стал изредка писать о современниках. В этих работах иногда приходилось ссылаться на собственные воспоминания, а потом эта мемуарная доля стала увеличиваться (скажем, когда я публиковал инскрипты Бродского на книгах, подаренных моей жене). В этих случаях скрываться за *pluralis auctoris* было бы нелепо. Потом возникли ситуации, где мне нужно было обратиться к собственной «историографии», к истории моих занятий данной темой. На эти случаи я, естественно, распространил «я». Разумеется, в статье, где уже появилось «я», глупо было бы писать «мы» в остальных местах, не связанных с воспоминаниями или автобиобиографией. Теперь в сборнике моих работ «я» и «мы» сталкиваются не только в рамках книги, но даже в пределах одной статьи. Это (как, вероятно, и некоторые изменения стиля в сторону либо

употребить. Для меня слова «современная работа» (если речь не идет о чистой хронологии) значат то же, что в моем детстве означали семь слоников.

3

упрощения, либо «субъективности», т.е. каламбуров, частных шуток и т.п.) кажется мне основной моей уступкой бегу времени.

В моей молодости — на самом деле немного раньше, я пришел уже на «готовую» традицию структурализма (моя первая публикация была в 1970 г.) — использование иноязычной (буквально или этимологически) терминологии было принципиально важно. Частично это было связано с замораживанием цензуры или послепечатных оппонентов. Частично мы доказывали (в том числе в диалогах с названными оппонентами), что иностранные термины имеют то преимущество, что они свободны от близких лексических ассоциаций внутри русского языка и могут выполнять функцию чистого термина. Попробуйте придать терминологический характер слову «образ»! Даже Ярхо и опиравшемуся на него Гаспарову это не удалось¹. Сейчас по естественной эволюции поколений меня многое в заимствованной терминологии раздражает (до чего дошла молодежь! — типичное старческое брюзжание? Не могу ответить). Отчасти раздражение вызвано не внутринаучными причинами, а бытовым контекстом, где идиотские заимствования иностранца Василия Федорова нас обступают (обстают, как сказал бы Андрей Белый), поэтому и реакция вчерашних новаторов — такая резкая. Кстати, не следует думать, что термины заимствовали массово и без разбора. Был вполне отобранный набор. Мой друг, учившийся на английском отделении ЛГУ, спросил меня: «Ты знаешь, как на английской кафедре называют *дополнительную дистрибуцию*?» Я, конечно, не знал. — «*Комплементарное распределение*». Это было смешно, потому что терминология для фонологии была задана книгой Трубецкого и ее русским переводом. Якобсон, например, написал специальную статью о слове «маркированный» — слове «более уместном в лабазе или в бильярдной», показав историю его возникновения в русском языке (из его собственных французских работ, затем термин перешел в английские и оттуда в русские, хотя и во французском и в английском это был перевод русского термина «признаковый», введенного Трубецким). Увы, никакого влияния на русскую лингвистику это не оказало, разве что на меня.

Думаю, что общее суждение о всех современных заимствованиях в научном языке было бы неверным (хотя число глупостей, разумеется, возрастает), каждый случай надо рассматривать отдельно. Из упомянутых в вопросах «технологический трансфер» я бы вообще не заметил как варваризм, а «хардкорный

¹ М.Л. Гаспаров как-то сказал мне: «Я употребляю слово *образ* только в смысле Ярхо», — верю, но кто же это заметил из читателей?

и мидкорный» выбросил бы немедленно (может быть, из-за ассоциаций с порносайтами). Отчасти это верно и вне сферы научной терминологии. Поучителен пример Б. Унбегауна, сопоставившего два полностью синонимичных предложения: *Дефицит материалов лимитирует продукцию фабрики. — Недостаток сырья ограничивает производство завода.*

Что касается длиннот (высокой длины предложения), то они естественны для научной речи (контрпример — Виктор Шкловский; когда вышел его огромный — по тем временам — том в «ЖЗЛ» о Льве Толстом, одна остроумная литературоведческая дама сказала: «Меня утешает, что если бы это было написано “в строчку”, то было бы гораздо короче»). Не могу вспомнить, чья это была работа в одной из ранних Летних школ, в ней утверждалось, что синтаксис Пруста и прежде всего длина предложения показывают, что «В поисках утраченного времени» не роман, а научное исследование.

4

Никогда в научных статьях не ставил себе задачи быть понятным неспециалисту. Если неспециалист хочет понять, он может посмотреть в словарь или интернет, спросить, в том числе у меня. Некоторые статьи специально писались для неспециалистов, вроде упоминавшихся публикаций Бродского, но там я и не обсуждал специальных вопросов. Антрополог вправе писать как захочет, посмотрите на барочную архитектуру тетралогии Леви-Стросса¹ (как сообщает Вяч. Вс. Иванов, Якобсон неодобрительно сравнил ее с Андреем Белым).

5

Всегда пытался подражать слогу (ну и методам, конечно) В.Н. Топорова и Р.О. Якобсона. Вряд ли успешно.

Библиография

Левинтон Г.А. Еще раз о комментировании романов Тынянова // Русская литература. 1991. № 2. С. 126–130.

ЮЛИЯ САФРОНОВА

Юлия Александровна Сафронова

Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
jsafronova@eu.spb.ru

Приглашение к участию в форуме о стилях академического письма поставило меня в несколько затруднительное положение. Осенью 2024 г. мы с коллегой по факультету истории ЕУСПб Б.И. Колоницким издали учебное пособие «Как написать диссертацию».

¹ В русской орфографии не принято передавать в иностранных собственных именах удвоенный согласный на конце слова, но в случае Леви-Стросса мне не хочется следовать этому правилу (см.: Быт. 17:4, 15).

1

цию? Путеводитель для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей» [Колоницкий, Сафронова 2024], в котором мне принадлежит глава «Стиль». В какой-то мере в ней были даны ответы на вопросы, поставленные редакцией. После некоторых размышлений я решила дополнить то, что было написано мною ранее, поскольку стиль учебного пособия, которое самым демократичным автором пишется с посылом «делайте, как я вас учу», не может совпадать с рефлексией исследователя о том, как она или он пишет «на самом деле».

Девятнадцать лет назад научный руководитель моей кандидатской диссертации А.Н. Цамутали вычеркнул из первого поданного мною текста слово «дискурс», вежливо пояснив, что он слишком пожилой человек для того, чтобы понять «эти модные слова». Я до конца оценила его мудрость только три года спустя при обсуждении законченной работы, в которой ни разу не было использовано вычеркнутое слово, в диссертационном совете на защите. Я до сих пор уверена, что он прекрасно знал, что такое дискурс, как и специфику требований к кандидатской диссертации. Честный разговор о стиле, как мне кажется, должен обязательно дополняться разговором о жанре и позиции в академии. Автор, не достигший положения по крайней мере профессора, далеко не всегда бывает свободен в выборе манеры письма и даже объема текста, по разным причинам.

По своему опыту могу сказать, что для успешной подачи статьи в «Антропологический форум» нужно писать немного иначе, чем привычно историку, а потом переделать текст по замечаниям рецензента и редакции, причем переделки будут касаться скорее структуры и манеры изложения, а не содержания. Разница едва уловима, но она, безусловно, есть, так что на стиль научных работ влияет политика не только издательств, но и редколлегий отдельных изданий. Говоря аспирантам, что им надо «подсушить» излишне цветастый текст диссертации, я всегда утешаю их, что потом, в монографии, они будут писать, как хотят. Надеюсь, они узнают, что я немного лукавлю, после того как защитят свои работы, оформленные по всем требованиям диссертационных советов.

Второе наблюдение за современным «нормальным стилем» письма парадоксальным образом противоположно предыдущим размышлениям. Возможно, в антропологии произошла смена эпох или демаркация стилей исследователей, принадлежащих разным поколениям, но в исторической науке и сейчас можно обнаружить авторов, которые пишут как выдающийся дореволюционный историк В.О. Ключевский, как лауреат Сталинской премии академик М.В. Нечкина, как среднестатистический автор Stanford University Press, если таковой существует, — этот

список можно продолжать. Стилистическая дискретность не всегда связана с принадлежностью к определенной институции (в одном учреждении могут работать коллеги, пишущие «на разных языках») или возрастом (по «советским» шаблонам часто пишут как раз начинающие авторы, которых так научили оформлять курсовые и дипломные работы в их университетах). Все это многообразие в конце концов находит своего издателя, а затем и читателя, причем шансы на успех у тех, кто пишет как Ключевский, выше, если иметь в виду не коллег по цеху, а «широкий круг читателей», как принято называть в аннотациях тех, кто зачем-то покупает наши книги для души, а не по работе.

4

В каком-то смысле историки находятся в более сложной ситуации, чем представители других дисциплин. С одной стороны, наши книги действительно могут пользоваться успехом у широкой публики, интересующейся прошлым. С другой стороны, этот интерес в сочетании с отсутствием собственной методологии порождает среди коллег из дисциплин, лучше вооруженных разнообразными, в том числе количественными, инструментальными анализами, мнение, что история — это не наука, а что-то близкое к литературе, пусть и в жанре нон-фикшен. Наконец, интерес публики провоцирует создание множества текстов, его эксплуатирующих, авторы которых порой не обременены не только профессиональным образованием, но и представлениями об исследовательской этике. Они тем более успешны, чем более научнообразно и непонятно пишут профессиональные историки.

В такой ситуации выбор стиля научного письма — это еще и выбор жизненной позиции: для какой аудитории я пишу и хочу ли я, чтобы мой голос был все-таки услышан в том потоке книг, подкастов, телеграм-каналов, которые заполняют информационное пространство? Мой знакомый журналист говорит: «Пожалуйста, не отказывайте в комментариях по теме, в которой вы признанный специалист, иначе мы все равно спросим кого-то, кто готов с нами поговорить, даже если он вовсе специалистом не является, а потом опубликуем его, а не вас».

Мой личный выбор — стараться не отказывать в комментариях и писать так, чтобы мои книги было интересно читать моей маме. Про первую она сказала, что скучно, про вторую — что прочла с удовольствием и передала дальше. Если учесть, что вторая получила больше рецензий и отзывов, чем первая, видимо, я нахожусь на верном пути. Впрочем, наблюдая уже в качестве представителя аудитории за некоторыми популяризаторами науки в смежных областях знания, я замечаю, что успех вынуждает их все больше понижать изложение и увеличивать количество приколов на единицу времени в популярной

2

лекции или на страницу текста в книге. Надеюсь, наблюдения и рефлексия по этому поводу спасут мою третью книгу от стилистических крайностей.

Каждый год я задаю первому курсу аспирантов, у которых веду курс по академическому письму, вопрос о том, как их учили писать — «мы» или «я». Пропорция остается неизменной: 2/3 за «мы» или безличные конструкции, 1/3 за «я». За эти годы все-таки произошел некоторый сдвиг в пользу безличных конструкций. Все большему количеству аспирантов форма «мы» кажется странной, и они выбирают обходиться вовсе без местоимений, поскольку по-прежнему боятся авторского «я».

Каждый раз, когда я сталкиваюсь с «мы» в студенческом тексте, я спрашиваю автора, кто эти «мы», если речь не идет о работе группы. Традиционный ответ состоит в том, что «мы» — это я и мой научный руководитель, конвенциональная форма академической вежливости. Второй, менее частый ответ, заключается в том, что «мы» — это эквивалент безличной конструкции, обеспечивающий исследованию объективность и нейтральность. По этой версии, от имени «мы» в тексте говорит научная истина, не допускающая проявления субъективного авторского «я». Последнее объяснение может довести автора до абсурда, когда в разделе благодарностей в монографии появится спасибо «нашему коту и нашей жене» (случай, как уверяют некоторые коллеги, произошел в действительности).

В целом довольно иронично, что после того как была объявлена «смерть автора», авторского «я» в научных работах с каждым годом становилось все больше. Я принадлежу к тем исследователям, кто пишет «я» в статьях и книгах. Такой выбор связан даже не со стилем письма или желанием публиковаться в одном круге изданий, а не в другом, а с последовательным стремлением к авторской честности и прозрачности исследования для читателя. В конце концов, это я сформулировала вопрос, я ходила в архив и работала с источниками, и я сейчас пишу этот текст. Мои аргументы будут оцениваться коллегами, даже если я спрячусь в тексте за неубедительное «мы».

Когда я говорю, что в тексте должно быть авторское «я», то вовсе не предполагаю, что это «я» появляется в каждом абзаце. Иногда студенты, получив добро на «я», пытаются наштамповать свои тексты этим местоимением, закономерно вызывая недоумение. Например, предложение «Я считаю, что в источнике X автор сообщает Y» выглядит анекдотично. Первое лицо единственное число уместно использовать, когда важно показать осознанный и аргументированный выбор. Например, после описания большой историографической дискуссии, точки в которой до сих пор не поставлено, уместно заявить о своей по-

зиции. «Я» может появиться в рассказе о сборе или отборе источников, о причинах выбора теоретической рамки для реализации проекта исследования и т.д. В качестве метафоры тут уместна «навигация»: я управляю исследованием и его реализацией в тексте, а не проект несет меня куда-то по воле волн к неизвестным берегам. При таком подходе не так уж часто специалисту по истории XIX в. предоставляется случай написать «я», так что каждый из них ценен и должен быть использован. Иногда я завидую антропологам или устным историкам, у которых гораздо больше возможностей рассказать о странных и смешных приключениях в поисках информантов, как это блестяще сделала Юлиане Фюрст [Фюрст 2023], или заняться автоэтнографией. Поскольку передо мною не стоит угроза скатиться в любительскую антропологию, я не могу ответить на вопрос о границах допустимого. Впрочем, прочитать об авторском пути к основным идеям книги бывает не менее полезно, чем ее саму.

В большинстве случаев я все же использую безличные конструкции, а иногда прибегаю к местоимению «мы» в смысле «мы с вами, читатели» или «мы, историки». Например, «мы до сих пор не располагаем точными сведениями о X, поскольку архив Y сгорел (похищен, до сих пор не рассекречен и т.д.)». Разумеется, мне бы хотелось, чтобы доля аспирантов, выбирающих местоимение «я», постепенно сравнялась с теми, кто пишет безличными конструкциями, а «мы» осталось в употреблении только как способ диалога с читателем. Порой ради этого мне приходится спорить с редакторами журналов — я вижу в этом свой вклад в общее дело.

3

Поскольку я начала свои ответы с истории про «дискурс», следует коротко остановиться на англицизмах в научных текстах, признавшись для начала, что я по-прежнему крайне редко употребляю это слово, даже если пишу о дискурсивных практиках. На мой взгляд, историкам в этом случае проще, чем представителям других областей социального и гуманитарного знания, поскольку они более консервативны, с одной стороны, а с другой — больше погружены в контексты иных эпох, когда читателям надо объяснять, кто такой камер-фурьер, а не что такое руральность. Как правило, англицизмы приходят к историкам с некоторой задержкой, после того как социологи или антропологи уже получили свою долю критики за их использование и приучили хотя бы часть аудитории к тому, что все это значит, а может быть, подобрали какие-то менее раздражающие эквиваленты на русском языке.

Вторая ипостась меня — в качестве автора учебного пособия по исторической памяти — находится в куда менее комфортной

позиции, чем та, которая занимается эпохой Александра II. В области *memory studies* так много понятий, для которых нет перевода или существует пять альтернативных, начиная с самого названия дисциплинарного поля, что я последовательно во всех трех изданиях сняла с себя ответственность, используя в тексте английские, французские, немецкие термины без перевода, выделяя их курсивом. В результате за шесть лет выросло поколение, для представителей которого нормально заводить и читать канал «Мемори и другие стадиз». К счастью, за пределами учебников мне не приходится делать такой сложный выбор. У меня, как у любого историка, гораздо острее стоит проблема, как не начать писать в стилистике собственных источников, употребляя «кои» вместо «которые». Чиновники Святейшего Синода 1870-х гг., чьи материалы составляют основу моего исследования, не дают возможности порассуждать об «эйджизме» или «хардкорности» в тексте, посвященном практикам чтения, хотя употребление «практик» во множественном числе уже выдает меня с головой.

Библиография

- Колоницкий Б.И., Сафронова Ю.А. Как написать диссертацию? Путеводитель для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2024. 172 с.
- Фюрст Ю. Цветы, пробившие асфальт: путешествие в советскую Хиппеляндию. М.: НЛО, 2023. 664 с.

СЕРГЕЙ СОКОЛОВСКИЙ

Письмо как τέχνη

«Что делают антропологи? — Они пишут». В этом частном диагнозе (редукционистском потому, что антропологи еще много чего делают¹, и недостаточно точном потому, что письмо здесь не специфицировано: пишут сегодня, если трактовать письмо как поддающийся расшифровке и прочтению след, не только антропологи, но и технические устройства — разнообразные самописцы и боты) Клиффорд Гирц, а точнее сам акт

Сергей Валерьевич Соколовский
Институт этнологии
и антропологии РАН,
Москва, Россия
sokolovskiserg@gmail.com

¹ Кстати, как это демонстрирует сам Гирц [Geertz 1988], помимо собственно исследовательской, административной и учебной деятельности, они еще и размышляют о стиле антропологического письма [Tyler 1978; 1987; Marcus 1980; Marcus, Cushman 1982; Van Maanen 1988; 1995; Spencer 1989; Jackson 2013; Wulff 2016].

письма и умение писать, как бы отождествляют деятельность антрополога с ремеслом писателя и, стало быть, по умолчанию поощряют к заботе о стиле.

Редколлегия журнала приглашает поразмышлять о стилевых особенностях гуманитарного письма в терминах его эволюции, призывая сравнить целые исторические периоды или эпохи (их так называемый стилистический мейнстрим), с одной стороны, и одновременно задает вопросы относительно авторского стиля («формирование вашего стиля») — с другой.

Мне показалось интересным попытаться посмотреть на письмо (в том числе на современное научное гуманитарное письмо) как на умение, ремесло и искусство, т.е. на те его ипостаси, которые охватываются др.-греч. понятием *τέχνη*. Сказать, что это умение, по крайней мере в случае человека, оказывается сложным, до смешного недостаточно. Помимо уже совсем не простых и не для всех доступных телесных навыков, требуемых каллиграфией или владением современными техническими устройствами, нужно уметь соотносить звуки, знаки, смыслы и ценности, например соображения о красоте и пользе, т.е. об эстетике и прагматике, и уже поверх этих базовых умений владеть нормами и знаниями дисциплинарного сообщества и соотнобразовывать свое письмо с потребностями и вкусами своих коллег, а также широкой публики, интересующейся научными проблемами. Овладение таким множеством навыков и сопряженных с ними норм и регулятивов — еще не залог успеха, поскольку письмо по своей природе противостоит и мышлению, и воображению, останавливая и объективируя их поток в по необходимости компромиссных репрезентациях, и уже в силу этого представляет вызов для творчества: по-настоящему новая мысль может столкнуться с отсутствием готовых средств ее языкового выражения и потому связана с особыми усилиями в поиске адекватного языкового материала. Напряженность отношений между языком и мышлением лучше всего проявляется в философских текстах из числа тех, что считаются трудными даже для профессионалов.

В антропологии, однако, по традиции больше внимания уделялось двум другим конфликтующим парам — отношению между языками исследователя и исследуемых и связи между языком и реальностью. Обе эти пары анализировались прежде всего с позиций адекватности передачи смыслов другой культуры, т.е. с точки зрения эпистемологии, а не прагматики или поэтики. Такой фокус рассмотрения не мог не иметь следствий для жанров и стилей антропологического письма, в которых стали доминировать объективистские или наивно-реалистские установки, превращающие исследователя в записывающее устрой-

ство, главным требованием к которому стало минимальное искажение отображаемой им реальности. Для соответствующего стиля характерны стирание следов присутствия автора, одновременно подчеркивающее его универсальную осведомленность и аутентичность не затронутой вмешательством исследователя изображаемой реальности, влекущее также устранение из текста всех аффектов и эмоций как признаков субъективности изложения, чуждых для объективного описания.

Так сложился все еще распространенный и широко используемый жанр, который я называю «автоматическим письмом»¹, поскольку он предполагает неукоснительное следование существующим в его рамках нормам и ценностям, а любые отклонения от него рассматривались его носителями как «ненаучные» и подвергались шельмованию. Если игнорировать различия национальных традиций и рассматривать ситуацию в антропологии в целом, то можно утверждать, что этот стиль со времен литературного поворота (датируемого примерно концом 1960-х — серединой 1980-х гг.) постепенно утрачивал свою привлекательность и сегодня перестал быть доминирующим. Не следует, однако, думать, что благодаря существующей критике этот жанр ушел в прошлое — крупные антропологические сообщества (например, представители разных специализаций в рамках биологической антропологии) продолжают руководствоваться его нормами, в то время как близкие к ним по своему предмету медицинские антропологи оказались в данном отношении разделенными², поскольку значительная их часть видит во врачах и пациентах не столько функции или физические тела, сколько людей со всеми их личностными особенностями и, стало быть, учитывает их чувства и особенности их культуры, текстовая репрезентация которых обуславливает поиск подходящих выразительных средств, явно выходящих за пределы возможностей объективистского стиля письма. В этнографическом исследовании, где ценность уникального едва ли не выше, чем конструируемого универсального, где вместо закономерностей мы обнаруживаем лишь правила, притязания на истинность репрезентаций становятся чрезмерно оптимистичными, а сама истина оказывается скорее капризом реальности, которой вдруг захотелось соответствовать игре воображения автора.

¹ «Автоматическим» я его называю потому, что однажды освоенные его нормы в дальнейшем не требуют от пишущего творческого подхода к форме изложения, но делают обязательным лишь соответствие сложившемуся канону.

² Этот раскол весьма выразительно проиллюстрирован в работе американского антрополога Марианны Паже, погибшей от рака, но успевшей опубликовать несколько работ о позициях врачей и их пациентов, включая главу в известном сборнике под ред. Джона ван Маанена [Paget 1995], посвященном рассмотрению репрезентаций в этнографии медицины.

Если рассматривать стиль как совокупность умений, то невозможно не заметить, что такая совокупность, усваиваемая новым поколением исследователей от своих учителей, не только формирует их манеру письма, но и создает субъект письма в его особом качестве — автора. Этот процесс стоит как за самим феноменом возникновения доминирующих стилей, так и за их устойчивостью. Здесь, разумеется, возникает вопрос о причинах и источниках *трансформации* стилей и появлении новых эстетических норм и форм. У меня есть подозрение, что освоение стиля в конструкции «учителя — ученики» (как и тренировка и усвоение любых навыков и умений) ведет в итоге к формированию автоматизмов и привычек, реализацию которых в сфере письма (вне аллюзий к гипнотическим состояниям или разговорам с умершими) я и назвал «автоматическим письмом». Психосоматические навыки письма всегда реализуются в каких-то формах (стилях), а их упорядоченная передача — в формах повторяющихся и лишенных творческого начала. Мы осваиваем образец и действуем в соответствии с ним. «Паттерны культуры» создают «модальную личность», которая, строго говоря, личностью не является как раз до тех пор, пока она эти паттерны автоматически воспроизводит. Сомнения в устоявшемся порядке вещей, рефлексивность и критика иногда выливаются в попытки преодоления традиции, приводящие к разрыву с ней или к ее творческой трансформации, однако такие попытки редко осуществляются на уровне сообщества, тем более доминирующих дискурсов и соответствующих им стилей; инициатива скорее принадлежит индивидуальным исследователям, обнаружившим изъяны в существующей форме и экспериментирующим с новыми жанрами и стилями. Будет ли новый стиль замечен, растиражирован и принят профессиональным сообществом, зависит от многих факторов, но зачастую решающими оказываются статус и институциональные ресурсы инноваторов. Чаще всего, как показывает опыт отечественной антропологии, подхватывается не столько стиль, сколько новые жанры, требующие, в свою очередь, модификации привычек письма, а значит, в итоге, и стиливых адаптаций.

Существенным стимулом для такого рода трансформаций оказывается ослабление бдительности «пограничников», когда прежним «чужакам» — представителям соседних дисциплин — вдруг открывают двери. В истории российской этнографии / этнологии / антропологии такое происходило не однажды, и всякий раз со следствиями для жанров и стилей публикаций. Стоит вспомнить политику открытых дверей Ю.В. Бромлея, усилившего и без того прочные позиции в этнографическом сообществе демографов и географов и пригласившего к сотрудничеству социологов, психологов и даже математиков и меди-

ков. В результате такого сотрудничества и учреждения новых для советской этнографии субдисциплин: этнодемографии, этносоциологии, этнопсихологии и этноэкологии — появились и публикации со значительным количеством таблиц, описанием социологических и статистических методов и психологических экспериментов, потеснившие на страницах этнографических изданий привычные описания культуры изучаемых сообществ. Анализ социальных структур этих сообществ и особенностей поведения их членов (так называемых этнических стереотипов) потребовал нового языка и новых нарративных средств. Примерно такие же трансформации стилей происходили и позднее в связи с институализацией в российской этнологии так называемых этногендерных исследований, этноконфликтологии и этнополитологии (политической антропологии), а сегодня основными стимулами такой трансформации являются изменяющиеся темы и фокусы исследований в рамках социально-культурной антропологии и нарастающая тенденция трансдисциплинарных исследований, в которых антропологи принимают участие, но необязательно являются инициаторами.

В контексте подразумеваемого противопоставления «стилистического мейнстрима» и индивидуального авторского письма я бы хотел еще остановиться на недостаточно проясненной в антропологии фигуре автора. Стоит ли еще раз обратить внимание на то обстоятельство, что в режиме автоматического письма происходит стирание этой фигуры, во всяком случае существенная редукция ее функций? Вопреки упованию Гирца, комментировавшего известный текст Мишеля Фуко «Что такое автор» [Фуко 1996 (1971); Geertz 1988: 8], в этом режиме мы оказываемся скорее «составителями текстов» (или, если воспользоваться термином Ролана Барта, лишь скрипторами), писцами, а вовсе не «писателями». Получается так, что за автором мы оставляем лишь свободу выбора жанра, но уже на следующем этапе не он создает свое произведение, но «жанр» пишет автором, используя его как инструмент, подчиняющийся алгоритму стилистических норм этого жанра, разумеется, при условии, что эти нормы автором вполне усвоены. Помимо этого, мы связываем свободу автора с выбором целевой аудитории (нередко — воображаемой), считая, что именно этот выбор определяет и выбор жанра, но забывая при этом, что, быть может, в большей степени, чем автор воображает аудиторию — воображаемая аудитория «воображает» самого автора, задавая границы и нормы, коротко говоря — определяя стилистический регламент «авторских» высказываний. Можно сформулировать это положение и иначе: автор — это совокупность текстуальных функций, а вовсе не индивид, поставивший свое имя на произведении. А произведенное этим индивидом,

вопреки юридической уловке копирайта (остающейся по сути лишь экономическим стимулом к писательству), принадлежит вовсе не ему, но является лишь индивидуальным воплощением присущих его эпохе и не им созданных технологий письма, дискурса и жанра.

Если Барт в своей «Смерти автора» описывал скорее фиаско критика, лишенного возможности (по причине недодетерминированности современного письма) надежно определять источник высказывания [Барт 1989 (1968)], то Фуко указывает на множественность сопряженных с концептом авторства функций — юридической, экономической, проективно-психологической и семантико-грамматической, создающих места одновременно для нескольких «позиций-субъектов, которые могут быть заняты различными классами индивидов» [Фуко 1996 (1971): 30].

Однако редколлегию, по-видимому, вовсе не интересуют коллизии *коллективного анонимного* (стиль эпохи, порождаемый «автоматическим письмом» и обусловленный, во всей видимости, экономией усилий) и *индивидуального* (творческого, порывающего с традицией, экспериментального) авторства. Она ставит вопросы в практической плоскости — как нам, антропологам или гуманитариям вообще, относиться к уже существующим жанрам научного письма и некоторым очевидным их недостаткам, таким как, например, сухость и скучность («многие работы <...> кажутся <...> обезличенными и затянутыми, перегруженными ненужными рассуждениями»), подражательность и вторичность («многие пишут по-русски так, что текст выглядит переводом с английского»), или, наоборот, их излишняя эмоциональность, граничащая с дилетантизмом («любительством»).

Мое отношение к «автоматическому письму» (несмотря на полезность лежащих в его основе навыков, обеспечивающих возможность писать вообще) уже отражено в самом его обозначении. Отношение же и оценка экспериментального письма в наших дисциплинах по самой сути эксперимента как метода проб и ошибок должны зависеть от конкретных исходов таких экспериментов, их успехов или провалов. Это относится и к используемой терминологии, будь она исконно славянской, германской, романской или китайской. Например, в вопросе «Следует ли искать замену терминам “технологический трансфер”, “хардкорный и мидкорный”, “руральность”, “эйджизм”, “эссенциализированный” и т.д., выражениям вроде “с такой перспективы”?» смешаны несопоставимые дискурсы и ситуации (если здесь все еще допустимы латинизмы, то воспользуюсь термином семантики — *узусы*) используемых в этих дискурсах понятий.

Нам, например, не приходит в голову устранить все голландские заимствования из жаргона яхтсменов, мы не отнимаем также возможности у моряков называть галльон — галльюном, а кубрик — кубриком или, того более, кóмпас — компáсом, но нам почему-то кажется возможным пытаться делать это в отношении геймеров с их хардкором и мидкором. Я до сих пор пока не сталкивался с возражениями против таких терминов, как мачизм или сексизм, но вот эйджизм, хотя и образован по той же морфологической модели, почему-то вызывает вопросы. Вспоминается чеховская Дашенька с ее знаменитым мемом «Они хочут свою образованность показать и всегда говорят о непонятном!», адресованным незадачливому телеграфисту, попытавшемуся рассуждать об электричестве. Эйджизм в этом отношении вполне с электричеством сходен: телеграфист пытался объяснить принцип его работы, начав говорить об устройстве электро-батареи, а мы можем передать смысл эйджизма с помощью других столь же непонятных для Дашеньки слов, таких как «дискриминация по возрасту» или «несправедливо неравное отношение к разным возрастным когортам».

Я бы призвал всех нынешних противников заимствований и радетелей исконного открыть словарь русского языка и прочесть подряд все слова на букву «А», чтобы попытаться обнаружить в нем хотя бы пару незаимствованных слов, кроме междометий. Разумеется, заимствование должно быть мотивировано, например, фактом отсутствия более удобного понятия в русском или несовпадением объемов значений научного и разговорного понятий (как в случае *гегемонии* и *власти*) и т.д. Примерно так же я могу ответить и на, видимо, риторический вопрос о метафорике, исходящий из совершенно утопического предположения о возможности текстов без метафор¹, которыми, кстати, полно обращение от редколлегии, где метафоры удачно сочетаются с заимствованиями (тот же *мейнстрим*), где дискуссия состоит из «материалов», работы «затянуты» и «перегружены», «работа» имеет «ход», а точность и популярность — это «Сцилла и Харибда» и т.д. Но даже если допустить изгнание метафор из научных текстов, останутся похожие вопросы в отношении других стилистических тропов — метонимии, синекдохи, олицетворения или сравнения, строящегося на той же, правда, обычно стертой, метафорике. Как быть с ними?

В заключение вернусь к вопросам о психосоматической основе письма. Очевидно, что вредные привычки, в том числе и в письме,

¹ Вездесущность и всеприсутствие метафоры представлены на англоязычных материалах в работах известных американских исследователей метафоры и создателей ее когнитивной теории лингвиста Джорджа Лакоффа [Лакофф 2004 (1985)] и философа Марка Джонсона [Lakoff, Johnson 1980]. См. также: [Paprotté, Dirven 1985].

следует искоренять, а полезные умения и навыки — совершенствовать. Однако в отличие от доказательной медицины, где вред или польза проверяется врачебной практикой и медицинской статистикой, стилистические предписания не имеют доказательных оснований, а существующие сегодня в этой сфере прескрипции в высшей степени ситуативны, т.е., если воспользоваться стилистикой заданных в этом «Форуме» вопросов, у них мало шансов проскользнуть между Сциллой политической ангажированности и Харибдой лингвистического дилетантизма. Следует учесть, что помимо институциональных факторов и собственно авторского творчества, манера письма и его стиль в значительной степени зависят от быстро меняющихся технологий: от гусиного пера к перу вечному, а затем к печатной машинке и компьютерной клавиатуре в индивидуальном аспекте, и от печатного прессы к современным технологиям цифровой печати и искусственному интеллекту, позволяющему за секунды получить обзор проделанного в конкретной области, в аспекте коллективном. Пока мы заботимся о стиле уже почившего автора, вместо того чтобы рассмотреть возможность гибели самого письма и письменных жанров, во всяком случае в тех видах их производства и потребления, к которым мы привыкли, новые поколения все больше фокусируются на комиксах и аниме, где текст минимален, но смыслы и стили тем не менее присутствуют.

Библиография

- Барт Р. Смерть автора (1968) // Барт Р. Избранные произведения: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 384–391.
- Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004 [1987]. 792 с.
- Фуко М. Что такое автор? (1971) // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистериум, 1996. С. 7–46.
- Geertz C. Being There: Anthropology and the Scene of Writing // Geertz C. Works and Lives: The Anthropologist as Author. Stanford, CA: Stanford University Press, 1988. P. 1–24.
- Jackson M. The Other Shore: Essays on Writers and Writing. Berkeley, CA: University of California Press, 2013. 361 p.
- Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 1980. XIII+242 p.
- Marcus G. Rhetoric and the Ethnographic Genre in Anthropological Research // Current Anthropology. 1980. Vol. 21. P. 507–510.
- Marcus G., Cushman D. Ethnographies as Texts // Annual Review of Anthropology. 1982. Vol. 11. P. 25–69.
- Paget M. Performing the Text // Van Maanen J. (ed.). Representation in Ethnography. Thousand Oaks, CA: Sage, 1995. P. 222–244.

- Paprotté W., Dirven R.* (eds). *The Ubiquity of Metaphor: Metaphor in Language and Thought*. Amsterdam: John Benjamins, 1985. XIX+628 p.
- Spencer J.* *Anthropology as a Kind of Writing* // *Man, New Series*. 1989. Vol. 24. No. 1. P. 145–164.
- Tyler S.A.* *The Said and the Unsaid: Mind, Meaning, and Culture*. New York: Academic Press, 1978. 492 p.
- Tyler S.A.* *The Unspeakable: Discourse, Dialogue, and Rhetoric in the Post-modern World*. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1987. XIII+240 p. (Rhetoric of the Human Sciences).
- Van Maanen J.* *Tales of the Field: On Writing Ethnography*. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 1988. XVI+173 p.
- Van Maanen J.* (ed.). *Representation in Ethnography*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1995. 276 p.
- Wulff H.* (ed.). *The Anthropologist as Writer: Genres and Contexts in the Twenty-First Century*. New York: Berghahn, 2016. VIII+279 p.

ПОЛИНА ЯРОВАЯ

На мой взгляд, стилистические особенности академического текста невозможно мыслить вне связи с методологией исследования. То, как написан текст, напрямую обусловлено тем, как исследователь позиционирует себя внутри своего текста. Возвращение же субъекта — не просто стилистическая прихоть автора, но часть осмысления себя как одного из участников событий, которые становятся исследовательским материалом. Появление «я» в академическом тексте симптоматично ввиду современных методологических тенденций в антропологии и популярного сегодня метода автоэтнографии. Поэтому принятие использования «я» в академическом тексте или его отторжение выражает не столько стилистические предпочтения, сколько само понимание антропологами характеристик и критериев научного текста. Разумеется, антропологи не единогласны в том, что делает текст «достаточно» научным.

Недавно я наткнулась на дискуссию, в которой обсуждали мою статью «Социальная жизнь смородины: опыт автоэтнографии труда в монастыре» [Яровая 2025], видимо, из-за этой же статьи меня пригласили поучаствовать в настоящем «Форуме». Обсуждая

Полина Романовна Яровая
Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
pyarovayaa@gmail.com

статью, несколько исследователей спорили, отвечает ли она критериям научности, привносит ли автоэтнографический метод и подробное описание внутренних переживаний исследовательницы какой-либо вклад в социальные науки, если он не может быть повторен. Стиль письма, в котором написана «Социальная жизнь смородины», обусловлен поставленной методологической задачей показать, что интерпретация антрополога далеко не беспристрастна и что, вероятно, антропологи с разным бэкграундом будут интерпретировать материал исходя из своей субъективности. Именно для этого в статье были приведены обширные пассажи из полевых дневников, где я показываю, что, находясь в поле, я интерпретировала и действия информантов, и свою собственную рефлекссию. Значит, если исследователь ставит перед собой задачу проанализировать процесс собственной интерпретации, внимание к своим эмоциям не просто не разрушает научность текста, но и делает эти переживания объектом исследования, встраивает их в общую картину как один из влиятельных факторов. В конце концов саморефлексивность — это то, что делает науку наукой, а опасение, что научное знание ставится под угрозу, когда в него добавляются новые элементы, кажется мне совершенно необоснованным. Таким же новым элементом (новым лишь в русскоязычных исследованиях) является «я-субъект», который, не скрывая своей субъективности, помещает себя в текст, чтобы разрушить принятую «объективность» изложения. Иногда, читая академические тексты, написанные индивидуальными исследователями (не в соавторстве), я чувствую преграду и фальш, натываясь на местоимение «мы». Кто такие «мы» в академических текстах? Значит ли использование «мы», что такой текст претендует на репрезентацию всего сообщества? Социальная антропология — это не монолитное тело единогласных во всем исследователей, но поле для дискуссий и непрестанной пересборки научного знания, которое производится конкретными субъектами со своими стилистическими и методологическими предпочтениями, а также личной ответственностью за представленный материал и способ его подачи.

3

Займствования из языка глобальной науки, по большей части англоязычной, кажутся неизбежными, особенно учитывая малую степень проработанности русскоязычного академического стиля. Часто понимание аргументации исследований на русском языке, даже для носителя, оказывается непростой задачей, иногда препятствием становится обезличенное повествование, изобилующее зачастую неоправданно усложненной терминологией. Обильные займствования, как мне видится, не играют на руку исследованию, если их без ущерба смыслу можно заменить более простыми словами. Однако займствованные

4

термины, которые составляют концептуальную основу исследования, действительно заменить не просто, так как именно они служат инструментом для встраивания текста в научное поле. В таком случае русскоязычным антропологам придется изобрести новый концептуальный язык, а также убедить других антропологов использовать именно его, а не давно ставшие привычными англицизмы. Это кажется маловероятным, учитывая опять-таки многообразие мнений среди антропологов.

Я думаю, что писать нужно хорошо, будь то текст академический, публицистический или художественный. Разница между этими текстами определяется среди прочего «допустимой популярностью». Что если академический текст станет понятным всем? Лично мне кажется, что научный текст должен быть понятен как можно большему количеству людей — элитарность научного знания не кажется мне плюсом. Однозначно, чрезмерное упрощение сложных концепций может навредить исследовательскому аппарату, однако антропологический текст, построенный вокруг полевых материалов, может быть понятен многим, как минимум какая-то его часть, если автор ставит перед собой такую задачу. Если же автор целится только в узкоспециализированную аудиторию из небольшого количества коллег, то перспектива распространения авторских наработок, как мне кажется, значительно сужается. Современные гуманитарные исследования все чаще выходят за границы своих дисциплин, разрушая порой совсем ненужные барьеры, и наращивание знания происходит по всей плоскости гуманитарных наук. В этом я вижу большую пользу — однозначно выигрышным для антропологии стал, например, союз с лингвистикой и последующий лингвистический поворот. Писать так, чтобы было понятно многим, не вредит научной точности, если аргументация исследования четко проработана. Если четкая аргументация к тому же прописана ясным языком, ею могут воспользоваться как антропологи и представители других дисциплин, так и непрофессионалы.

Я считаю, что академический текст — это в первую очередь текст, и чтобы он был написан качественно, важно уметь писать, а не только рассуждать. Изложение мысли, которое неизбежно ведется посредством языка, не менее важно, чем логические концептуальные построения. А у кого учиться писать как не у писателей? Разумеется, академический текст — не то же самое, что художественный. Использование риторики в научных текстах иногда осуждается как вредоносный элемент, применяемый для убеждения в достоверности материалов исследований и манипулирования общественным мнением. Однако, на мой взгляд, добросовестный исследователь, который обязан демонстрировать достоверные результаты исследования, ответственен

также за язык, который он использует при анализе этих материалов. К тому же «объективность» изложения материалов в антропологических текстах давно была поставлена под сомнение в рамках критического поворота, когда антропологи обратили внимание на значимость стиля изложения в представлении материалов [Clifford, Marcus 1986]. Привычное в российской академии научное изложение, использующее безличные конструкции и строгую сухую подачу, к тому же можно считать таким же риторическим инструментом, убеждающим читателя в «научности» текста. По этой же причине метафоры кажутся мне не вредоносными для научного текста, а, наоборот, важным способом маркирования новых категорий научного знания. Любые слова по своей сути являются метафорами, обозначающими категории, некие общности феноменов. Новые же метафоры, вводимые антропологами в оборот, могут стать частью обновленного инструментария для других антропологов, как способ иного категоризирования знакомых феноменов, возможно, подсвечивающий неожиданные взаимосвязи между ними.

Важная особенность антропологического текста заключается в его компилятивном характере. Итоговый текст исследования — это результат производства текстов совершенно разного характера и стиля: от полевых дневников и заметок до расшифровок интервью. Отдельные части антропологи включают в статьи и монографии в их исходном виде, со всеми «неровностями» таких текстов. Таким образом, антропологический текст — заведомо многогранный по своей внутренней логике. Фрагменты полевых дневников не обязаны быть такими же строго академическими, как их анализ, тем не менее и материал, и анализ работают на один текст, и из различной природы выводится определенная композиция. Такие материалы сами по себе имеют стилистические особенности, которые либо сочетаются с основным текстом, либо стоят особняком. Но такие фрагменты автор может подчинить общей логике текста — тогда они будут неотъемлемой частью повествования, причем такого, которое одновременно академическое и саморефлексивное, с собственными метафорами и впечатлениями исследователя.

5

Мой стиль продиктован средой, в которой я обучалась антропологии. Высшее образование я получила в НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге на бакалавриате по политологии и на магистерской программе «Глобальная и региональная история». Я училась на английском языке. Практически все статьи и монографии, которые я читала на курсах, были англоязычными, оба диплома, бакалаврский и магистерский, я тоже писала на английском. Этим, очевидно, обусловлен и стиль моего письма. Я никогда не училась писать академические тексты на русском, и мои

первые опубликованные статьи стали для меня учебным полигоном. Именно поэтому мне скорее чужд стиль многих русскоязычных академических текстов, изобилующий безличными конструкциями и формальностями, которые отличаются от принятых в англоязычном каноне. Исследования на английском языке написаны намного менее формальным языком, который, кажется, понятен намного большему числу носителей, чем текст на русском. Вероятно, мое стремление писать понятно и скорее просто обусловлено траекторией социализации и приобретения знания. К тому же стиль моих научных статей, который кажется некоторым исследователям провокационным и недостаточно научным, всегда получал поощрение моих учителей, из-за чего я и не подозревала, что он может заслужить особое внимание.

Помимо учебной траектории на мои стилистические предпочтения повлияло тесное общение с филологами и в целом то большое почтение перед литературой, которое дружба с ними во мне воспитала. Мне всегда кажется чрезвычайно важным оставлять время для чтения художественной литературы, не ограничиваться только научными статьями и монографиями. Из моих полевых материалов я создаю не только научные тексты, но и иногда пишу художественные зарисовки. Мысль, высказанная Анной Кругловой на одном из магистерских курсов в НИУ ВШЭ, который она читала, надолго засела в моей голове: не владея *creative writing* (творческим письмом), не стать хорошим антропологом.

Я высоко ценю два экспериментальных по задумке текста по медицинской антропологии — это «Наверно я дурак» Анны Клепиковой [Клепикова 2018] и «The Body Multiple» Аннмари Мол [Mol 2002]. Медицинская антропология более, чем другие «антропологии», как мне кажется, должна быть понятна не только антропологам. Книга Анны Клепиковой написана в жанре антропологического романа, в тексте намеренно минимизировано количество ссылок на научную литературу. Эта книга нацелена на широкую аудиторию и для каждой аудитории выполняет разную функцию, например волонтерам ПНИ позволяет посмотреть на свою идеологию и практики со стороны, специалистам в области здравоохранения — пересмотреть политику в отношении таких учреждений. Анна Клепикова в своем исследовании раскрывает чрезвычайно важные социальные проблемы, о которых просто обязательно говорить популярным языком. Аннмари Мол также написала свою книгу, избежав ссылок на научную литературу в основном тексте. Она приняла оригинальное решение вынести научные ссылки в «нижний текст», сделав его опциональным. Таким образом, Мол сделала текст достаточно доступным для неантропологов, например для

врачей, о которых она пишет и от чьих действий зависят «множественные тела», но и не отказалась от встраивания своего исследования в широкое научное поле. Мол не просто поделила текст, чтобы его могли читать разные люди, но в самом этом разделении отрефлексовывала, что значит сослаться на научную литературу.

Библиография

- Клепикова А. Наверно я дурак: антропологический роман. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2018. 432 с.
- Яровая П.П. Социальная жизнь смородины: опыт автоэтнографии труда в монастыре // Социология власти. 2025. Т. 37. № 1. С. 117–146. doi: 0009-0002-0828-7854.
- Clifford J., Marcus G.E. (eds). Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography. Berkeley, CA; Los Angeles, CA; London: University of California Press, 1986. 305 p.
- Mol A. The Body Multiple: Ontology in Medical Practice. Durham, NC: Duke University Press, 2002. 216 p. doi: 10.1215/9780822384151.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Сергей Соколовский начинает свои ответы на вопросы «Форума» с цитаты из Клиффорда Гирца: «Что делают антропологи? — Они пишут». В рамках нашей темы не могу не отметить, что это начало яркое и мгновенно захватывает внимание читателя. Однако это не просто спецэффект. Цитата передает суть проблемы, поднятой в нашей дискуссии: главное занятие антропологов — писать. Впрочем, они также снимают фильмы и готовят музейные проекты, но письмо — самый распространенный способ для антропологов представить результаты своей работы. Казалось бы, это финальный этап, от которого результаты не зависят: когда антрополог берется за написание текста, вся основная работа уже проделана. Но на самом деле это не так. Наталья Ковалева отмечает, что научное письмо вшито в процесс производства знания, а стиль письма неотделим от процесса познания. О том же говорит Александра Захарова: «Ценность антропологической работы заключается во внимательном описании и оригинальной интерпретации», — а это как раз то, что делают с помощью слов. Письмо не только определяет, как результаты дойдут до аудитории, но и создает сам объект исследования.

Кроме того, в современных реалиях академическая статья или монография — это продукт, который должен быть как можно более привлекательным для покупателя, поэтому научная литература начинает приобретать черты художественной, у которой всегда было гораздо больше читателей. В ответах на вопросы нашего предыдущего «Форума» Сергей Ушакин, который преподает в Принстоне, отметил тенденцию «литературизации» антропологии: «Например, в списке аспирантских семинаров у нас постоянно есть семинар о *Литературной антропологии*, а среди самих аспирантов немало пишущих. Так сказать, *anthropoetry is a real thing, too*» [Форум 2025: 130].

Ольга Юрьевна Бойцова
Музей антропологии
и этнографии (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
boitsova@gmail.com

Все участники нынешнего «Форума» были единодушны в том, что письмо заслуживает внимания, но в остальном их позиции разнились, начиная с отношения к слову «письмо» в значении «словесное творчество», о чем участники писали мне в личных сообщениях. В одних репликах слова «кейс», «академия», «пересборка», «дискурс» отмечены как непривычные, а в других — использованы именно в тех значениях, которые кому-то кажутся странными. Это создает диалог между участниками «Форума» на уровне не только содержания, но и формы, тем самым подтверждая важность академического стиля.

Как и у некоторых других участников «Форума», у меня две идентичности: я исследовательница и редактор журнала. Во второй ипостаси мне приходится редактировать не только научные статьи, но и реплики «Форума», и эти два вида работы различаются. При редактировании ответов в дискуссии мне принципиально сохранить то, что написали авторы, именно так, как они написали. В «Форуме» я не заменяю «окромя» на «кроме»: употребивший это слово в пассаже о заимствованиях Сергей Соколовский явно имел в виду ту стилистическую окраску, которую оно придает. В этой дискуссии я оставила даже различное написание фамилии Леви-Строса / Леви-Стросса: в журнале принято одно написание, но Георгий Левинтон специально оговорил свои предпочтения. Я надеюсь, что благодаря такому принципу редактирования в нашем «Форуме» отчетливо слышны голоса участников, и они разные. Степан Калинин в своей реплике пишет, что трудно перепутать стиль Бодуэна де Куртенэ и Пешковского, Виноградова и Зализняка, а мне кажется, что стиль наших участников тоже не перепутаешь. Как и наши предыдущие дискуссии, этот «Форум» тоже показывает, насколько по-разному можно писать в научном журнале, пусть и не в разделе «Исследования».

Что касается раздела «Исследования», здесь при редактировании я руководствуюсь другими принципами: во главе угла для меня стоят ясность и точность изложения, о которых пишет в своей реплике Альберт Байбурин. Если я не понимаю, «что хотел сказать автор», то мы вместе с автором вырабатываем новую формулировку. Упомянутый Альбертом Байбуриным принцип «пусть безобразно, зато единообразно» у меня тоже в ходу. При редактуре научной статьи я бы заменила «окромя»: цель такого текста — не поиграть с читателем, а представить результаты исследования так, чтобы читатель не отвлекался на головомолки вроде «зачем в одном-единственном предложении появилось просторечие?»

Наталья Ковалева справедливо замечает, что ясность и точность не существуют в вакууме: «[Я]сность достижима *только* при

обращении к аудитории (будь то рецензент, редактор или какой-либо читатель)». Неудивительно, что участники «Форума» ставят перед собой вопрос: «Для какой аудитории я пишу?» Александра Захарова и Анастасия Беляева считают, что, представляя себе потенциального читателя, стоит ориентироваться на себя: текст должен быть интересен самому автору. Лично у меня вызывает симпатию принцип Юлии Сафроновой — «чтобы мои книги было интересно читать моей маме».

Вопрос о том, для кого мы пишем, неотделим от вопроса редколлегии о допустимой и желательной степени популярности изложения. Тут мнения разделились: одни участники высоко оценивали умение писать научно-популярным языком, другие считали, что текст необязательно должен быть понятен непрофессионалам. Интересный разворот этой теме придают ответы Евгения Вдовченкова. Он указал на важную функцию научно-популярных, а также обобщающих и обзорных работ: знакомить с научными трудами коллег из других областей (о том же пишет и Полина Яровая). Мы представляем себе читателя научно-популярных работ профаном, а на деле этот читатель может быть таким же ученым, как мы, и даже более «остепененным». Любые научные результаты могут быть представлены так, чтобы о них могли прочитать не только специалисты: «Понятным языком можно изложить даже квантовую хромодинамику, и лучшие лекторы это успешно делают» (Юрий Березкин). Среди работ, которые участники «Форума» назвали в качестве образцов для себя (В.Н. Топорова, Р.О. Якобсона, Франца Боаса, Клода Леви-Строса, Мэри Дуглас, М. Леенхардта, В.Я. Проппа, Дэвида Гребера, Джеймса Фергюсона, В.К. Журавлева, А.Ф. Лосева, Г. Дойчера, Аннмари Мол, Александры Архиповой¹ и Анны Кирзюк, Анны Клепиковой, Настасьи Мартен, Анны Левенхаупт Цзин, Юрия Симченко, Пола Столлера, Лизы Стивенсон, Энн Фэдимен), много текстов, которые написаны живо и увлекательно, иногда в экспериментальной пограничной форме между научным и научно-популярным изложением. Некоторые участники упоминали в качестве примера для себя писателей: Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Гашека и Чехова (Андрей Адельфинский), Тургенева и Чехова (Юрий Березкин).

Неудивительно, что употребление метафор в научном тексте поддерживают многие участники «Форума», вплоть до того что сам вопрос об их уместности вызывает недоумение: Сергей Соколовский называет предположение о возможности текстов без метафор «совершенно утопическим», а Полина Яровая отмечает, что «любые слова по своей сути являются метафорами,

¹ Внесена Минюстом РФ в список иноагентов.

обозначающими категории, некие общности феноменов». Мария Ахметова, цитируя Розенталя, пишет о «добавочной убедительности», которую метафоры придают научной прозе. Интересно, что оригинальные метафоры в ответах наших участников перекликаются между собой: Юлия Сафронова упоминает, как «проект несет меня куда-то по воле волн к неизвестным берегам», а Сергей Соколовский — как «жанр» пишет автором, используя его как инструмент, подчиняющийся алгоритму стилистических норм этого жанра, разумеется, при условии, что эти нормы автором вполне усвоены»; Анастасия Беляева, ссылаясь на Александра Плосатиса, сравнивает научный текст с куриной грудкой, а Мария Ахметова упоминает «гарнир или десерт». Однако метафоры в научном тексте не просто играют роль украшения. Их функция не сводится к тому, чтобы сделать абстрактные понятия визуализируемыми — это «когнитивные инструменты и средства производства знания, а не декоративные элементы, от которых можно отказаться без особого ущерба для авторских идей» (Наталья Ковалева). Чтобы оценить справедливость этого утверждения, достаточно вспомнить несколько современных концепций из антропологии — в их формулировке наверняка окажутся защиты метафоры.

Сравнения и аналогии помогают лучше понять аргумент автора, и их тоже можно встретить в репликах «Форума». Вот сравнение научной терминологии с морской: «Нам, например, не приходится в голову устранить все голландские заимствования из жаргона яхтсменов, мы не отнимаем также возможности у моряков называть галюн — гальюном, а кубрик — кубриком или, того более, компас — компасом» (Сергей Соколовский). Вообще вопрос редколлегии о заимствованиях вызвал такую же бурную дискуссию, как и другие вопросы. Как справедливо указал Георгий Левинтон, каждый случай нужно рассматривать отдельно. Степан Калинин отмечает латинское происхождение многих терминов, перечисленных в вопросах редколлегии как англицизмы. Евгений Вдовченков пишет, что отношение к новым терминам зависит от дисциплины: «Отечественная антропология, являясь частью мировой, активно использует теорию и практику англоязычных текстов, в результате чего возникает необходимость освоения и осмысления понятийного аппарата, соотнесения его с теорией и практикой». Георгий Левинтон указывает на одно преимущество иностранных терминов, которые «свободны от близких лексических ассоциаций внутри русского языка и могут выполнять функцию чистого термина». Александра Захарова отмечает еще один их плюс — возможность для исследователя участвовать в диалоге с авторами работ на других языках, где используются эти термины.

Очень интересно читать рассуждения участников о местоимении «я»/«мы». Наши авторы пишут в научных работах кто «я», кто «мы», кто «автор этих строк», а кто-то даже смешивает местоимения. Лично я как редактор чередование «я» и «мы» могу сохранить при редактуре (хочется пошутить: я-то оставляю, а вот мы будем возражать). Употребление первого лица множественного числа в научных текстах имеет давнюю историю, оно постоянно встречается у Аристотеля, например: «Установив всё это, мы должны рассмотреть причины» (Физика, II, 3). Умберто Эко в пособии «Как написать дипломную работу: гуманитарные науки» (1977) ставил перед читателем вопрос: «Я или мы?» — и не давал однозначного ответа, но склонялся в сторону безличных конструкций и объяснял: «По-моему, пишущий мы имеет в виду себя плюс читателя» [Эко 2006: 224]. Вопросом о том, кто скрывается за «мы», задаются несколько участников «Форума». Ответы на этот вопрос бывают разные: «я и мой научный руководитель», «наше научное сообщество» или «автор вместе с читателями». Мария Ахметова в своих ответах затрагивает историю употребления первого лица множественного числа в научных текстах, и ее реплику дополняют воспоминания Георгия Левинтона. Сергей Соколовский указывает на причину широкого употребления «мы» — «стирание следов присутствия автора» для создания видимости объективности, а Александра Захарова рассуждает о том, что привело к нынешнему распространению «я» — «дефицит рабочих мест и глобальное перепроизводство научных кадров в области социогуманитарных наук, рождающие высокую конкуренцию среди специалистов: каждому «я» нужно выделиться.

Метафоры, заимствования, выбор единственного или множественного числа первого лица — это яркие признаки научного стиля, которые сразу обращают на себя внимание, но в статьях и монографиях можно найти и другие. Участники дискуссии расширили тематику «Форума», включив в свои реплики рассуждения об элементах, которые не упоминались в вопросах редколлегии, но которые тоже могут многое рассказать о стиле научных публикаций: о названиях работ (Альберт Байбурин), системе IMRaD (Мария Ахметова), ссылках на научную литературу (Наталья Ковалева).

Что касается современного «нормального стиля», о чем был первый вопрос редколлегии, то по ответам участников кажется, что вычленить его невозможно. Сергей Соколовский выделяет «автоматическое письмо», но пишет и о творческом письме, которое противопоставлено ему. Юлия Сафронова в своей области — истории — видит авторов, которые пишут как Ключевский, как советский академик Нечкина, как автор Stanford University Press. В антропологии можно обнаружить такой же

разной. Откуда берутся эти различия? Юлия Сафронова и Мария Ахметова упоминают о том, что на них влияет не только политика ведущих научных издательств, о чем говорилось в вопросах редколлегии: свою лепту вносят даже отдельные журналы, предъявляя требования, которые авторы выполняют в надежде опубликоваться. О том же говорит Андрей Адельфинский: «Соответственно, *нормальный стиль* продолжает оставаться различным для конкретных академических сообществ, издательских домов и даже научных журналов по одной дисциплине. Наверное, это и есть норма?»

Наши авторы не сходятся единогласно ни по каким вопросам, но часто их реплики интересно дополняют друг друга. Например, канцеляризм Юрий Березкин предлагает выжигать каленым железом, а Мария Ахметова, не оправдывая канцелярит, напоминает, что в его защиту высказывался Алпатов. Получается, что общий знаменатель научного стиля даже у авторов одного журнала — «Антропологического форума» — вывести невозможно?

Прочитав все реплики, можно заметить, что авторы с пониманием относятся к разным позициям и готовы принять противоположную точку зрения. Как пишет Наталья Ковалева, «поскольку наши исследовательские методы несовершенны и не позволяют достичь “абсолютной” истины, честная научная работа всегда признает возможность альтернативного объяснения или существования фактов, которые предложенная объяснительная рамка не учитывает или пока не может учесть». Быть может, именно это отличает современный научный стиль от стилистики публикаций столетней давности: в те времена авторы не боялись решительно утверждать свое мнение, а в наши дни постоянно держат в уме, что все может быть совсем не так.

Редколлегия сердечно благодарит всех участников дискуссии.

Библиография

Форум: Антропологические теории для XXI века: дорожная карта // Антропологический форум. 2025. № 64. С. 13–196.
doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-64-13-196.

Эко У. Как написать дипломную работу: гуманитарные науки / Пер. с итал. Е. Костюкович. СПб.: Simposium, 2006. 240 с.

Ольга Бойцова

Forum 66: How We Write: On Styles of Academic Prose

Andrey Adelfinskiy

Bauman Moscow State Technical University
5, Bld. 1 Baumanskaya Str., Moscow, Russia
adelfi@mail.ru

Maria Akhmetova

The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA)
82 Vernadsky Ave., Moscow, Russia
malinxi@rambler.ru

Albert Baiburin

Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
ABaiburin@yandex.ru

Anastasiya Belyaeva

Pirogov Russian National Research Medical University
1/6 Ostrovityanova Str., Moscow, Russia
gurenovitz@gmail.com

Yuri Berezkin

Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
berezkin1@gmail.com

Olga Boitsova

Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
boitsova@gmail.com

Stepan Kalinin

Perm National Research Polytechnic University
29 Komsomolsky Ave., Perm, Russia
rage_of_gods@inbox.ru

Natalia Kovalyova

The University of North Texas
7400 University Hills Blvd, Dallas, TX, USA
nvk@utexas.edu

Georgij Levinton

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
levinton@eu.spb.ru

Julia Safronova

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
jsafronova@eu.spb.ru

Sergey Sokolovskiy

Institute of Ethnology and Anthropology, RAS
32A Leninskiy Ave., Moscow, Russia
SokolovskiSerg@gmail.com

Evgeniy Vdovchenkov

Institute of Oriental Studies, RAS
12 Rozhdestvenka Str., Moscow, Russia
vdovchenkov@yandex.ru

Polina Yarovaya

HSE University
123A Griboedov channel Emb., St Petersburg, Russia
pryarovayaa@gmail.com

Aleksandra Zakharova

Sociological Institute of FCTAS RAS
25/14 7-ya Krasnoarmeyskaya Str., St Petersburg, Russia
azakharova@eu.spb.ru

Every era has its own “mainstream scholarly style” — the generally accepted way of writing academic texts in a given era and place. To today’s tastes, many academic texts written a century and more ago seem verbose and impersonal, weighed down with dispensable reflections and ruminations. Soviet academic style was radically different from English-language publications of the time, but these days many Russian academic texts read like translations from English. The Editorial Board of *Forum for Anthropology and Culture* invited its readers to reflect on what is happening to modern Russian academic prose.

Keywords: academic writing, scholarly style.

References

Abu-Lughod L., ‘Writing Against Culture’, Fox R. (ed.), *Recapturing Anthropology*. Santa Fe, NM: School of American Research Press, 1991, p. 137–162.

- Adelfinsky A. S., 'Of Iron Men and the Beer: Democratization and Commercialization in the Triathlon History', *The International Journal of the History of Sport*, 2023, vol. 40, no. 12, p. 1120–1139.
doi: 10.1080/09523367.2023.2289544.
- Ahmed S., *Queer Phenomenology: Orientations, Objects, Others*. Durham, NC: Duke University Press, 2006, 223 p.
- Ahmed S., *Strange Encounters: Embodied Others in Post-coloniality*. London: Routledge, 2020, 212 p.
- Ahmed S., *The Cultural Politics of Emotion*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004, 256 p.
- Alpatov V. M., 'V zashchitu kantselyarita' [In Defence of Bureaucrats], *Zhany rechi*, 2018, no. 4, p. 254–260. (In Russian).
- Anderson R. D., Jr., "Look at All Those Nouns in a Row" — Authoritarianism, Democracy, and the Iconicity of Political Russian', *Political Communication*, 1996, vol. 13, no. 2, p. 145–164.
- Arkipova A., Kirzyuk A., *Opasnye sovetskie veshchi: gorodskie legendy i strakhi v SSSR* [Dangerous Soviet Things: Urban Legends and Fears in the USSR]. Moscow: NLO, 2020, 536 p. (In Russian).
- Barlas L. G., *Russkiy yazyk: Stilistika* [Russian Language: Stylistics]: A guide for teachers. Moscow: Prosveshchenie, 1978, 225 p. (In Russian).
- Barthes R., 'Death of the Author', Barthes R., *Image-Music-Text*, selected and trans. by S. Heath. London: Fontana, 1977, p. 142–148.
- Behar R., *The Vulnerable Observer: Anthropology That Breaks Your Heart*. Boston: Beacon Press, 1996, 195 p.
- Biehl J. G., *Vita: Life in a Zone of Social Abandonment*. Berkeley, CA: University of California Press, 2005, 440 p.
- Baudouin de Courtenay J., 'O smeshannom kharaktere vsekh yazykov' [On the Mixed Nature of All Languages], Baudouin de Courtenay J., *Izbrannyye trudy po obshchemu yazykoznaniyu* [Selected Works in General Linguistics]. Moscow: USSR AS Press, 1963, vol. 1, p. 362–372. (In Russian).
- Carlyle T., 'Occasional Discourse on the Negro Question', *Fraser's Magazine for Town and Country*, 1849, vol. 40, p. 670–679.
- Clifford J., Marcus G. E. (eds), *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*. Berkeley, CA; Los Angeles, CA; London: University of California Press, 1986, 305 p.
- Deutscher G., *Through the Language Glass: Why the World Looks Different in Other Languages*. New York: Metropolitan Books, Henry Holt and Company, 2010, 320 p.
- Dubrovskaya T. V., "A byl li metod?": o printsipakh i kategoriakh sovremenogo diskurs-analiza' ["Was There a Method?": Principles and Categories of Modern Discourse Analysis], Dubrovskaya T. V. (ed.), *Sovremennyye napravleniya v lingvistike i prepodavanii yazykov: problema metoda* [Modern Approaches in Linguistics and Language Teaching: The Problem of Method]: A coll. of articles of the 3rd international scientific conference: In 2 vols. Penza: Penza State University Press, 2019, vol. 1, p. 9–15. (In Russian).
- Dulzon A. P., *Ketskiy yazyk* [The Ket Language]. Tomsk: Tomsk State University Press, 1968, 636 p. (In Russian).

- Eco U., *Come si fa una tesi di laurea: le materie umanitiche*. Milano: bompiani, 1977, 249 p.
- Everett D. L., *Don't Sleep, There Are Snakes: Life and Language in the Amazonian Jungle*. New York: Pantheon Books, 2008, 304 p.
- Fadiman A., *Spirit Catches You and You Fall Down*. New York: Farrar, Straus & Giroux, 1998, 341 p.
- Feld S., *Sound and Sentiment: Birds, Weeping, Poetics, and Song in Kaluli Expression*, 3rd ed. Durham, NC: Duke University Press, 2012, 300 p.
- ‘Forum 64: Antropologicheskie teorii dlya XXI veka: dorozhnaya karta’ [Forum 64: Anthropological Theories for the Twenty-First Century: A Road Map], *Antropologicheskij forum*, 2025, no. 64, p. 13–196. (In Russian). doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-64-13-196.
- Foucault M., ‘What Is an Author’, Foucault M., *Aesthetics, Method, and Epistemology*, ed. by J. D. Faubion. New York: The New Press, 1998, p. 206–222.
- Fürst J., *Flowers through Concrete: Explorations in Soviet Hippieland*. Oxford: Oxford University Press, 2021, 496 p.
- Geertz C., ‘Being There: Anthropology and the Scene of Writing’, Geertz C., *Works and Lives: The Anthropologist as Author*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1988, p. 1–24.
- Grinev A. V., ‘Problema naukometricheskoy diskreditatsii rossiyskikh gumanitariev’ [The Problem of the Discreditation of Russian Scholars in the Humanities by Metrics], *Sotsiologiya nauki i tekhnologiy*, 2023, vol. 14, no. 2, p. 122–143. (In Russian).
- Haraway D., ‘Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective’, *Feminist Studies*, 1988, vol. 14, no. 3, p. 575–599.
- Haraway D., *Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature*. New York: Routledge, 1991, 287 p.
- Haraway D., ‘When Species Meet: Staying with the Trouble’, *Environment and Planning D: Society and Space*, 2010, vol. 28, no. 1, p. 53–55.
- Haraway D., ‘Anthropocene, Capitalocene, Plantationocene, Chthulucene: Making Kin’, *Environmental Humanities*, 2015, vol. 6, no. 1, p. 159–165.
- Hodges N., ‘The American Dental Dream’, *Health Communication*, 2015, vol. 30, no. 9, p. 943–950.
- Hock H. H., Joseph B. D., *Language History, Language Change, and Language Relationship: An Introduction to Historical and Comparative Linguistics*. 2nd rev. ed. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2009, 588+XVIII p.
- Ingold T., *The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill*. London: Routledge, 2022, 602 p.
- Jackson M., *The Other Shore: Essays on Writers and Writing*. Berkeley, CA: University of California Press, 2013, 361 p.
- Kapitza P. L., *Pisma o nauke, 1930–1980* [Letters about Science, 1930–1980]. Moscow: Moskovskiy rabochiy, 1989, 400 p. (In Russian).
- Kirillova O. V. (ed.), *Podgotovka statyi k publikatsii v avtoritetnom zhurnale: kratkie rekomendatsii dlya avtorov i redaktorov* [Preparing a Paper for Publication in a Reputable Journal: Short Recommendations for Authors and Editors]. Moscow: Assotsiatsiya nauchnykh redaktorov i izdateley, 2023, 88 p. (In Russian).

- Klejn L. S., *Trudno byt Kleynom: Avtobiografiya v monologakh i dialogakh* [It's Hard to Be Klejn: Autobiography in Monologues and Dialogues]. St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2010, 730 p. (In Russian).
- Klejn L. S., *Perevyornutyj mir* [An Inverted World]. Donetsk: DonNU Press, 2010, 406 p. (In Russian).
- Klepikova A., *Naverno ya durak: antropologicheskij roman* [I Must Be a Fool: An Anthropological Novel]. St Petersburg: EUSP Press, 2018, 432 p. (In Russian).
- Kolonitsky B., Safronova J., *Kak napisat dissertatsiyu? Putevoditel dlya studentov i aspirantov gumanitarnykh spetsialnostey* [How to Write a Dissertation? A Student's Guide for Humanities Majors]: A textbook. St Petersburg: EUSP Press, 2024, 172 p. (In Russian).
- Kozhina M. N., *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian Language]: A guide for faculties of Russian language and literature in pedagogical institutes. Moscow: Prosveshchenie, 1977, 223 p. (In Russian).
- Krugman P., 'Why Did Economists Get So Wrong', *The New York Times*, 2009, Sept. 2. <<https://www.nytimes.com/2009/09/06/magazine/06Economic-t.html>>.
- Kuhn T. S., *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1997 [1962], 217 p.
- Kuryшева A. A., 'Issledovatel'skaya tradiciya institutsionalnoy shkoly i pragmatistskiy podhod' [Institutional Economics: Adopting Pragmatist Approach], *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, 2022, no. 1 (14), p. 89–101. (In Russian). doi: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_89_101.
- Lakoff G., *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1987, 632 p.
- Lakoff G., Johnson M., *Metaphors We Live by*. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 1980, XIII+242 p.
- Leary K., 'Is Ironman a Giant Scam? Why Capitalism Funnels Our Recreation Experiences to the Most Privileged Members of Society', *Medium*, 2022, June 11. <<https://medium.com/@learykeenan/is-ironman-a-giant-scam-a38e498eb877>>.
- Levinton G. A., 'Eshche raz o kommentirovanii romanov Tynyanova' [Once Again on the Annotation of Tynjanov's Novels], *Russkaya literatura*, 1991, no. 2, p. 126–130. (In Russian).
- Loveless N., *How to Make Art at the End of the World: A Manifesto for Research-Creation*. Durham, NC: Duke University Press, 2019, 176 p.
- Losev A. F., *Vvedenie v obshchuyu teoriyu yazykovykh modeley* [Introduction to the General Theory of Language Models], 2nd ed. Moscow: Editorial URSS, 2004, 296 p. (In Russian).
- Malakhov V. S., Letnyakov D. E., '(Pere)osmyslyaya sovetskiy proekt' [(Re)interpreting the Soviet Project], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Filosofiya i konfliktologiya*, 2024, vol. 40, no. 3, p. 486–498. (In Russian). doi: 10.21638/spbu17.2024.310.
- Manning E., Massumi B., *Thought in the Act: Passages in the Ecology of Experience*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2014, 187 p.
- Marcus G., 'Rhetoric and the Ethnographic Genre in Anthropological Research', *Current Anthropology*, 1980, vol. 21, p. 507–510.

- Marcus G., Cushman D., 'Ethnographies as Texts', *Annual Review of Anthropology*, 1982, vol. 11, p. 25–69.
- Martin N., *Croire aux fauves*. Paris: Verticales, 2019, 152 p.
- McCloskey D. N., *Ritorika ekonomicheskoy nauki* [The Rhetoric of Economics]. Moscow: Gaidar Institute, 2015, 328 p. (In Russian).
- Mikolaychik M. V., 'Avtorskoe "my" i "ya" v britanskom i amerikanskom nauchnom ekonomicheskom diskurse: sravnitelnoe korpusnoe issledovanie' [Author's "We" and "I" in British and American Scientific Economical Discourse: A Comparative Corpus Study], *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo, Filologicheskie nauki*, 2022, vol. 8 (74), no. 3, p. 87–95. (In Russian).
- Mokhov S. V., "'Idealnye polomki': Infrastruktura rynka ritualnykh uslug i proizvodstvo sotsialnogo poryadka' ["Perfect Breakdowns": The Infrastructure of the Funeral Services Market and the Production of Social Order], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 1, p. 146–160. (In Russian).
- Mol A., *The Body Multiple: Ontology in Medical Practice*. Durham, NC: Duke University Press, 2002, 216 p. doi: 10.1215/9780822384151.
- Naidenova I., Parshakov P., Suvorov S., 'Air Pollution and Individual Productivity: Evidence from the Ironman Triathlon Results', *Economics & Human Biology*, 2022, vol. 47, article 101159. doi: 10.1016/j.ehb.2022.101159.
- Nietzsche F., *The Gay Science with a Prelude in Rhymes and an Appendix of Songs*, trans. by W. Kaufmann. New York: Vintage Books, 1974, 396 p.
- Paget M., 'Performing the Text', Van Maanen J. (ed.), *Representation in Ethnography*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1995, p. 222–244.
- Panarin S. A. (ed.), *Kak pisat nauchnyy tekst: opyt Shkoly molodogo avtora* [How to Write a Scientific Text: The Experience of the School for Young Authors]: An educational and methodical manual. Irkutsk: Irkutsk State University Press, 2014, 259 p. (In Russian).
- Paprotté W., Dirven R. (eds), *The Ubiquity of Metaphor: Metaphor in Language and Thought*. Amsterdam: John Benjamins, 1985, XIX+628 p.
- Polterovich V. M., 'Krizis ekonomicheskoy teorii' [The Crisis of Economic Theory], *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*, 1998, no. 1, p. 46–66. (In Russian).
- Pérez R., 'Towards a Genealogy of the Gay Science: From Toulouse and Barcelona to Nietzsche and Beyond', *eHumanista/IVITRA*, 2014, vol. 5, p. 546–703.
- Prinz J., 'IRON(O)MICS: The Market for Long Distance-Triathlon', Downward P. et al. (eds), *The SAGE Handbook of Sports Economics*. London et al.: Sage, 2019, p. 482–491.
- Raskov D. E., 'Peresekaya granitsy: Makkloski i gumanisticheskiy vzglyad na ekonomicheskuyu nauku' [Crossing the Borders: McCloskey and Humanistic Approach to Economics], *Voprosy ekonomiki*, 2015, no. 4, p. 142–151. (In Russian). doi: 10.32609/0042-8736-2015-4-142-151.
- Rice T., *Hearing and the Hospital: Sound, Listening, Knowledge and Experience*. Canon Pyon: Sean Kingston Publishing, 2013, 204 p.

- Rozental D. E., *Prakticheskaya stilistika russkogo yazyka* [Practical Stylistics of the Russian Language]: A guide for higher educational institutions, 3rd ed. Moscow: Vysshaya shkola, 1974, 352 p. (In Russian).
- Sidorov A., 'V devyati iz desyati sluchayev sistema srabatyvaet verno' [In Nine Out of Ten Cases, the System Works Correctly], *Izvestia*, 2025, June 30. <<https://iz.ru/1911609/aleksandr-sidorov/v-devati-iz-desati-slucaev-sistema-srabatyvaet-verno>>. (In Russian).
- Simchenko Yu. B., 'Obychnaya shamanskaya zhizn' [The Everyday Life of a Shaman], *Rossiyskiy etnograf*, 1993, vol. 7, 175 p. (In Russian).
- Sowell C., Mounts S., 'Ability, Age and Performance: Conclusions from the Ironman Triathlon World Championship', *Journal of Sports Economics*, 2005, vol. 6, no. 1, p. 78–97. doi: 10.1177/1527002503260801.
- Spencer J., 'Anthropology as a Kind of Writing', *Man, New Series*, 1989, vol. 24, no. 1, p. 145–164.
- Springgay S., Truman S. E., *Walking Methodologies in a More-Than-Human World*. London: Routledge, 2019, 163 p.
- Stachowski M., 'Teoria nostratyczna i szkoła moskiewska', *LingVaria*, 2011, no. 11, p. 241–274.
- Stevenson L., *Life beside Itself: Imagining Care in the Canadian Arctic*. Berkeley, CA: University of California Press, 2014, 251 p.
- Stewart K., *Ordinary Affects*. Durham, NC: Duke University Press, 2007, 133 p.
- Stoller P., *Stranger in the Village of the Sick: A Memoir of Cancer, Sorcery and Healing*. Boston, MA: Beacon Press, 2004, 228 p.
- Stoller P., *Wisdom from the Edge: Writing Ethnography in Turbulent Times: Expertise Cultures and Technologies of Knowledge*. Ithaca, NY; London: Cornell University Press, 2023, 204 p.
- Stoller P., Olkes C., *In Sorcery's Shadow: A Memoir of Apprenticeship among the Songhay of Niger*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1987, 235 p.
- TallBear K., *Native American DNA: Tribal Belonging and the False Promise of Genetic Science*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2013, 252 p.
- Taussig M., *The Magic of the State*. New York: Routledge, 2013, 206 p.
- Tsing A. L., *The Mushroom at the End of the World*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2017, 331 p.
- Tutov L. A., 'Filosofiya khozyaystva i krizis neoklassiki' [Philosophy of Economy and the Crisis of Economics], *Filosofiya khozyaystva*, 2013, no. 6 (90), p. 9–20. (In Russian).
- Tyler S. A., *The Said and the Unsaid: Mind, Meaning, and Culture*. New York: Academic Press, 1978, 492 p.
- Tyler S. A., *The Unspeakable: Discourse, Dialogue, and Rhetoric in the Post-modern World*. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1987, XIII+240 p. (Rhetoric of the Human Sciences).
- Van Maanen J., *Tales of the Field. On Writing Ethnography*. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 1988, XVI+173 p.
- Van Maanen J. (ed.), *Representation in Ethnography*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1995, 276 p.

- Vdovchenkov E. V. (ed.), *Evraziyskoe prostranstvo glazami molodykh, ili novoe pokolenie o... Almanakh Shkoly molodogo avtora (2006–2007 gg.)* [The Space of Eurasia through the Eyes of Young People, or the New Generation on... Almanac of the School for Young Authors, 2006–2007]. Moscow: Natalis, 2008, 376 p. (In Russian).
- Walley C. J., Elliott D., 'Unsettling the Self: Autoethnography and Related Kin', *American Anthropologist*, 2025, vol. 127, no. 1, p. 121–130. doi: 10.1111/aman.28050.
- Wulff H. (ed.), *The Anthropologist as Writer: Genres and Contexts in the Twenty-First Century*. New York: Berghahn, 2016, VIII+279 p.
- Yarovaya P. R., *Sotsialnaya zhizn smorodiny: opyt avtoetnografii truda v monastyre* [The Social Life of Currant: An Essay on the Autoethnography of Labor in the Monastery], *Sotsiologiya vlasti*, 2025, vol. 37, no. 1, p. 117–146. (In Russian).
- Yefimov V. M., 'Kak kapitalizm, universitet i matematika sformirovali magistralnoe napravlenie ekonomicheskoy discipliny' [How Capitalism, University and Mathematics Shaped Mainstream Economics], *Antinomia*, 2014, vol. 14, no. 2, p. 5–51. (In Russian).
- Zhuravlev V. K., *Zanimatelnye dialogi o yazykoznanii* [Amusing Dialogues on Linguistics]. Moscow: LENAND, 2018, 208 p. (In Russian).
- Zhuravlev V. K., *Vneshnie i vnutrennie faktory yazykovoy evolyutsii* [External and Internal Factors of Language Evolution]. Moscow: LIBROKOM, 2019, 336 p. (In Russian).